

ВСЕРОССИЙСКАЯ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МИФЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет

19–20
октября
2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт истории и международных отношений

МИФОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Материалы Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции

Ростов-на-Дону, 19-20 октября 2021 г.

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2021

УДК 930+316.422.4(470+571)(063)

ББК 63(2)я431

М68

Редакционная коллегия:

Апрыщенко В. Ю., Дмитриева Н. В.,

Корневский А. В. (отв. редактор), Пономарева М. А.

М68 Мифология российской модернизации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции (Ростов-на-Дону, 19-20 октября 2021 г.) / Отв. ред. А.В. Корневский ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 90 с.

ISBN 978-5-9275-3887-4

В сборнике представлены материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Мифология модернизации», которая состоялась 19-20 октября 2021 г. Постановка данной проблемы обусловлена активным воспроизводством в современном публичном пространстве исторических мифов, связанных с процессами модернизации России, особенно их социокультурной составляющей. Авторы докладов, представленных на конференции, видят свою цель в выявлении мифологической природы конкретных нарративов о российской модернизации и деконструкции содержащихся в них мифологем, что позволяет яснее понять взгляды, политические позиции, цели и способы действия основных акторов данного исторического процесса, характер и формы реагирования общества на модернизационные проекты и перемены в социально-экономической, политической и культурной сферах, связанные с модернизацией.

Адресован ученым, исследователям, преподавателям, студентам и всем, интересующимся проблемами социально-экономической и политической истории России Нового и Новейшего времени, общественного сознания эпохи модернизации, историографии отечественной истории данного периода.

УДК 930+316.422.4(470+571)(063)

ББК 63(2)я431

ISBN 978-5-9275-3887-4

© Южный федеральный университет, 2021

Организационный комитет

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель направления Института истории и международных отношений ЮФУ (председатель);

Пономарева Мария Александровна – доктор исторических наук, доцент, и.о. директора ИИМО ЮФУ (заместитель председателя);

Кореневский Андрей Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Средних веков и Нового времени ИИМО ЮФУ (заместитель председателя);

Дмитриева Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, заместитель директора ИИМО ЮФУ по научной работе;

Николаев Илья Викторович – заместитель директора ИИМО ЮФУ по информатизации;

Глазунова Елизавета Евгеньевна – специалист по учебно-методической работе кафедры отечественной истории средних веков и нового времени ИИМО ЮФУ (ответственный секретарь).

Программный комитет

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель направления ИИМО ЮФУ (председатель);

Пономарева Мария Александровна – доктор исторических наук, доцент, и.о. директора ИИМО ЮФУ (заместитель председателя);

Кореневский Андрей Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Средних веков и Нового времени ИИМО ЮФУ (заместитель председателя);

Граля Хероним – доктор исторических наук, профессор факультета «Artes Liberales» Варшавского университета;

Дмитриев Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (по согласованию);

Мартынюк Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы.

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

Мероприятие проводится в соответствии с рекомендациями Роспотребнадзора о соблюдении всех противоэпидемических мер по предупреждению распространения COVID-19.

Регламент выступлений

Пленарный доклад – 20 минут

Панельный доклад – 15 минут

Вопросы по докладам – 10 минут

19 октября

ул. Большая Садовая, 105/42, Зал Ученого совета

9.00-10.00 Регистрация участников

10.00-11.30. Пленарное заседание

Метелица Анатолий Викторович, проректор ЮФУ по научной и исследовательской деятельности.
Приветственное слово.

Корневский Андрей Витальевич (Южный федеральный университет). Мифы модернизации и модернизация мифов.

Хероним Граля (Варшавский университет). В поисках «перводвигателя» российской модернизации: мифы и контр-мифы историографии.

Пономарева Мария Александровна (Южный федеральный университет). К вопросу о советской экономической модернизации второй половины XX века: миф или реальность?

11.30-12.00. Кофе-брейк

12.00-13.40. **Миф истоков – истоки мифа**

Модератор – А.В. Корневский (ЮФУ)

1. *Дмитриев Михаил Владимирович (Московский государственный университет, НИУ «Высшая школа экономики»)* Византийско-православные традиции как тормоз российской модернизации? Миф «ничтожной Византии» («*la misérable Byzance*») и историческая компаративистика.
2. *Мартынюк Алексей Викторович (Республиканский институт высшей школы, Минск)*. Русь Великая, Малая, Белая, Черная, Червонная и иная: мифология древности и конструирование традиции.
3. *Christian A. Raffenberger (Wittenberg University, Springfield, Ohio)*. Creating a Medieval Rus': Mykhailo Hrushevsky's *History of Ukraine-Rus'*
4. *Савин Андрей Иванович (Институт истории СО РАН, Новосибирск)*. «Мы наш, мы новый миф построим»: культ павших героев в Советской России – СССР в 1917 – 1941 гг.

13.40–15.00. **Перерыв на обед**

15.00-16.40. **Модернизируемая Россия в поисках идентичности**

Модератор – М.А. Пономарева (ЮФУ)

1. *Анджей де Лазари (Лодзинский университет)*. «Народность» как миф для внутреннего потребления.
2. *Журавлев Вадим Викторович (Институт истории СО РАН, Новосибирск)*. Антиевропейская

идентичность в символической системе восточно-российской контрреволюции (1918–1919 гг.).

3. *Мининков Николай Александрович (Южный федеральный университет)*. Борьба мифов в историографии донского казачества.
4. *Братолобова Мария Викторовна (Южный федеральный университет)*. Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (на примере г. Ростова-на-Дону)

16.40-17.10 **Кофе-брейк**

17.10-18.50. **Государство как демиург модернизации**

Модератор – М.Н. Крот (ЮФУ)

1. *Мининкова Людмила Владимировна (Южный федеральный университет)*. Этатистский миф русской классической историографии.
2. *Акульшин Петр Владимирович (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина)*. Бюрократия и модернизация Российской империи.
3. *Завьялова Оксана Олеговна (Южный федеральный университет)*. Миф об «идеальной» власти в представлениях российской либеральной общности (середина – вторая половина XIX века).
4. *Малыхин Константин Германович (Южный федеральный университет)*. Российская модернизация 20-30-х годов XX века в оценках Н.В. Устрялова.

19.00-21.00. **Товарищеский ужин**

20 октября

ул. Большая Садовая, 105/42, Овальный зал

10.00-11.40. Российская модернизация в зеркале социального мифа

Модератор – В.В. Журавлев (Институт истории СО РАН)

1. *Денисова Галина Сергеевна (Южный федеральный университет)*. Амбивалентная роль мифа «Россия – тюрьма народов» в модернизации России в XX-XXI вв.
2. *Аверьянов Антон Викторович (Южный федеральный университет)*. Дружба народов в СССР: эволюция мифа.
3. *Смагина Светлана Михайловна (Южный федеральный университет)* Российская политическая эмиграция и некоторые мифологемы большевистской модернизации 1920-х годов
4. *Пискунов Михаил Олегович (Тюменский государственный университет)*. Метафора транзита в идеологических дискурсах 1990-х годов: переход как возвращение к норме.

11.40-12.10. Кофе-брейк

12.10-13.25. Железная дорога – идол и пугало модернизации

Модератор – А.В. Корневский (ЮФУ)

1. *Степанов Валерий Леонидович (Институт экономики РАН)*. Всевластие железнодорожного

- «царства» в восприятии российского общества: фобии и волны протеста (вторая половина 1860-х – начало 1890-х гг.).
2. *Янченко Денис Геннадьевич (Санкт-Петербургский государственный университет)*. Путь на Восток: русская колонизация и железные дороги на Дальнем Востоке и в Маньчжурии.
  3. *Галуза Надежда Валерьевна (Южный федеральный университет)*. Образ Владикавказской железной дороги как «локомотива прогресса» на Северном Кавказе.

13.25-14.40 **Перерыв на обед**

14.40-16.20. **Модернизация vs. вестернизация**

Модератор – М.О. Пискунов (Тюменский государственный университет)

1. *Крот Максим Николаевич (Южный федеральный университет)*. «Русификация или бледная европеизация?»: критика К.Н. Леонтьевым национальной политики российского самодержавия во второй половине XIX в.
2. *Roman Bäcker (Nicolaus Copernicus University, Toruń, Joanna Rak, Adam Mickiewicz University, Poznań)*. Inter-war Eurasianism about Bolsheviks Modernization
3. *Шандулин Евгений Владимирович (Южный федеральный университет)*. Советизация вузов: модернизация или скрытая вестернизация? Явные и неявные смыслы дискуссий в Донском университете.

4. *Бражкина Анна Владимировна (Центр Ольги Розановой, Владимир)*. Миф о Западе в российской художественной среде 90-х: испытания в ходе практик модернизации.

16.20-16.50. **Кофе-брейк**

16.50-18.30. **Итоговое пленарное заседание: обсуждение перспектив проекта**

1. Выступление модераторов панелей.
2. Общая дискуссия и обсуждение перспектив исследовательского проекта «Мифология российской модернизации»

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.В. Корневский (ЮФУ)

Мифы модернизации и модернизация мифов

Многочисленные «кризисы», «вызовы» и «повороты», которыми отмечено развитие гуманитарного знания во второй половине прошлого и начале нынешнего столетия, способствовали существенному смещению акцентов в понимании того, что есть история, как и кем она творится и пишется, ее смысле и назначении, познавательных возможностях и ремесле историка. На качественно новом методологическом, эпистемологическом и инструментальном уровне история возвращается к исконному пониманию своего назначения как «*genum gestarum narration*»¹ – повествования о деяниях людей. Но по мере антропологизации и персонализации исторического знания все более труднодостижимым стало казаться воплощение «благородной мечты» историков XIX столетия – объективной реконструкции исторической реальности, повествования о прошлом «*wie es eigentlich gewesen*». Сегодня историки склоняются к мысли, что нам по силам объяснить и понять лишь зафиксированную в источнике ментальную реальность. Таким образом, задача историка – понять не то, «как это

---

¹ Hugonis de S. Victore De Sacramentis Christianae fidei // Hugonis de S. Victore canoni regularis S. Victoris Parisensis Opera Omnia. Parisiis: Apud Garnier fratres, editores, 1880. Т. II. С. 184.

было на самом деле», а то, как это воспринималось, переживалось, осознавалось. Данная переориентация интересов исследователей затронула едва ли не все сферы исторического знания, в том числе и то направление, которое нацелено на изучение процесса модернизации. Чем больше накапливалось фактической информации о характере и формах трансформации традиционных обществ в широком хронологическом горизонте от раннего Нового времени до современности, тем больше, внимание исследователей смещалось к социокультурной составляющей этого процесса. Особенно актуальной оказалась данная проблематика в преломлении к России, равно как и другим странам так называемой «вторичной» модернизации, предпринявшим прорыв в «современность» значительно позже ведущих держав Запада и равнявшимся на их достижения. Как свидетельствует опыт этих стран, в том числе и России, именно в социокультурной плоскости возникают наиболее серьезные противоречия и препятствия на пути реализации модернизационной стратегии. Более того, чем дальше отстоят друг от друга в культурном отношении общество, совершающее прорыв в *Modernity*, и то общество, которое рассматривается реформаторами в качестве эталона «современности», тем более серьезными, а порой и катастрофическими оказываются издержки модернизации.

Подтверждением того, насколько актуально для современной науки именно социокультурное измерение процессов модернизации, служит своеобразный итог длительной дискуссии о будущем Запада между Сэмюэлом Хантингтоном и Френсисом Фукуямой, каковым

можно считать статью последнего «Главенство культуры»². Ее ключевая идея – горестное признание автором неспособности современной политологии опускаться в своем анализе социальной реальности ниже уровней идеологии, институций и гражданского общества, тогда как степень способности общества к трансформациям определяется на еще более глубоком, четвертом уровне – том, который определяет господствующая в данном обществе культура: «будучи податливой и способной реагировать на события, происходящие на трех более высоких уровнях, сама она наименее склонна к изменениям»³.

Таким образом, представляется весьма актуальной задача рассмотрения процесса российской модернизации именно в том аспекте, где, как признает Фукуяма, общество проявляет наибольшую резистентность – в сфере культуры. При этом, исходя из такой постановки проблемы, методологически правильной была бы фокусировка на тех культурных феноменах, которые наиболее укоренены во времени и традиции, а потому и наиболее устойчивы к любым новациям. Совершенно очевидно, что такой «вечно живой архаикой» любого человеческого общества является мифология. Миф – «один из центральных феноменов в истории культуры и древнейший способ концепирования окружающей действительности и человеческой сущности, ... первичная модель всякой идеологии и синкретическая колыбель различных видов культуры – литературы, искусства, религии и, в известной

---

² Fukuyama F. The Primacy of Culture // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. № 1. January. P. 7-14.

³ Ibid. P. 8.

мере, философии и даже науки»⁴. Миф лежит в основании любой культуры, и даже уступая частично логосу по мере интеллектуального и социального «взросления» общества, всегда готов взять реванш в пору кризиса или конфликта.

Как верно заметил Е.М. Мелетинский, миф не только не исчез из культуры новейшего времени, но, наоборот, XX век знаменовался «ремифологизацией» мышления и общественного сознания, вследствие чего «из орудия первобытного образного мышления миф превращается в инструмент политической демагогии»⁵. Таким образом, не только эпоха модернизации порождает свою мифологию, но и сама мифология в новых социокультурных условиях как бы «модернизируется», осваивая новые формы, жанры, средства коммуникации. При этом, разумеется, в корне неверно редуцировать сущность мифологии к одному из этих полюсов, либо к буквальному значению самого слова («предание, сказание») и производным от него обыденным толкованиям – в диапазоне от «недостовверного / непроверенного утверждения» до «фальсификации». Разумеется, миф может представать и в этих обличьях, однако указанные значения понятия «миф» являются периферийными, лишь косвенно связанными с его сущностными характеристиками. Безусловно, в мифе может присутствовать и вымысел (хотя значительно чаще – домысел), и злонамеренная ложь, но это отнюдь не главное для по-

---

⁴ Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания /Отв. ред. Е. С. Ноник. М.: Российский гос. гуманитарит. университет, 1998. С. 419.

⁵ Там же. С. 420.

нимания его природы. Миф не противостоит ни истине, ни реальности. Более того, для человека, погруженного в миф, именно он и предстает в виде «полностью объективной реальности»⁶. Как писал Е.М. Мелетинский, «познание вообще не является ни единственной, ни главной целью мифа. Главная цель – поддержание гармонии личного, общественного, природного, поддержка и контроль социального и космического порядка»⁷.

В понимании природы и социальных функций мифа важно не то, каков процент подлинной или фальсифицированной информации в том нарративе, которому миф навязывает свои смыслы, а то, что «если звезды зажигаются, это кому-нибудь нужно». Иными словами, в каждой мифологеме присутствует некий запрос, ею удовлетворяемый. И если совершенно достоверное известие позволяет транслировать требуемое послание, то к чему прибегать к вымыслам и домыслам? Но так бывает достаточно редко, поэтому присутствие недостоверной (по крайней мере – непроверенной, чаще – домысленной, реже – злонамеренно сфальсифицированной) информации почти неизбежно. И это дает деконструктору мифов важный «след»: по присутствию утверждений, никем не проверяемых, но принимаемых за истину от частоты повторения, можно опознать мифологическую природу нарратива. Важно только не останавливаться на этом (что, как правило, и делается), а попытаться понять, кому и зачем нужно мифотворчество, каким социальным запросам оно соответствует.

---

⁶ Стеблин-Каменский М.И. Миф. Л.: Наука, 1976. С. 9.

⁷ Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век. С. 419.

Применение данного подхода к проблеме российской модернизации открывает очень важные перспективы. Выявление мифологической природы того или иного нарратива о российской модернизации и деконструкция содержащихся в нем мифологем позволяет яснее понять взгляды, политические позиции, цели и способы действия основных акторов данного исторического процесса, характер и формы реагирования общества на модернизационные проекты и действия властей, восприятие связанных с модернизацией перемен общественным сознанием и степень его резистентности к этим переменам. Тем не менее, именно в силу многоаспектности данной проблемы она вряд ли может быть раскрыта в форме традиционного индивидуального исследования. Поэтому принципиально важно проведение междисциплинарной научной конференции, итогом которой станет выверенный и «выстраданный» когерентный текст в формате сборника материалов конференции как результат тщательного отбора и проверки в публичных дискуссиях, редактирования и концептуализации тех идей, гипотез и аргументов, которые были привнесены в пространство проекта.

В поисках «перводвигателя» российской модернизации: мифы и контр-мифы историографии

«Никогда не вредно начать с *теа султра*»⁸, – советовал Марк Блок. Прислушаемся и мы к этой рекомендации великого историка, обращаясь к теме мифологизации представлений об эпохе модернизации. В самом деле, коль скоро мы – как профессиональные историки – так сформулировали данную проблему, то нелишне подумать о нашей же профессиональной ответственности в продуцировании неверифицируемых, но принимаемых за истину в последней инстанции утверждений об этой эпохе, процессах и явлениях, с нею связанных, и фигурах, сыгравших в них первостепенную роль.

Однако речь в данном случае не идет о столь популярной теме обслуживания историками интересов власти. Во-первых, это слишком просто, и случаи подобного сотрудничества, что называется, «лежат на поверхности», а во-вторых, представляется, что степень сервильности историков сильно преувеличена общественным мнением. В этом отношении наш цех мало отличается от прочих, и практика показывает, что власть способна поставить себе на службу не только историю или иную гуманитарную науку, но и такие сферы строгого «номотического» знания, как биология.

Говоря об ответственности историков, я имею в виду как раз то «профессиональное наваждение», в

---

⁸ Блок М. Апология истории или Ремесло историка. Пер. Е. М. Лысенко; примеч. и ст. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. С. 19.

связи с которым Марк Блок и рекомендовал начинать с *teu supra* – о том, что он называл «идолом истоков» или «манией происхождения», т.е. подспудным желанием свести объяснение к генеалогии, подменить выяснение причин поиском начал⁹. И если говорить о сведении причин российской модернизации к ее истокам, более того – к политическим деятелям, которым приписывается демиургическая роль в преобразовании российской действительности, то начало этому положил первый российский историограф. «Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели: достиг – и все изменилось!»¹⁰ – так Карамзин охарактеризовал историческую миссию Петра Великого в своей «Записке о древней и новой России».

Но уже вскоре, начиная с С.М. Соловьева историки стали видеть «первого модернизатора» в отце Петра или его брате, на что, разумеется, также есть свои зоны. Но ведь это движение вглубь веков нетрудно продолжить. И разве нет оснований считать «перводвигателем» российской модернизации Михаила Федоровича, при котором страна, подобно Мюнхгаузену, вытянувшему себя из болота, выкарабкалась из тяжелейших последствий Смуты, посматривая при этом на Запад и как на угрозу, и, в то же время, как на ту планку, на которую, хочешь не хочешь, а приходится равняться, чтобы не повторились прежние ужасы. И даже его отец патриарх Филарет, несмотря на все его антизападные

---

⁹ Там же. С. 20.

¹⁰ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. С. 31.

жесты, вполне годится на роль одного из провозвестников модернизации. Ведь, как справедливо замечал А.Дж. Тойнби, осознание необходимости усвоения европейского опыта чаще происходило не от любви к Западу, а от понимания исходящей оттуда опасности – «зелотского» к нему отношения¹¹. А уж Филарет осознал эту угрозу, как никто другой. Но разве не годится на роль первого «модернизатора» Лжедмитрий I с его неумными амбициями и вестернизаторским пафосом (чего только стоит сама идея заменить достаточно свежий «отцовский» титул царя императорским, а думу – сенатом!) или Борис Годунов, первым начавший отправлять учиться в Европу боярских недорослей?

Наконец, если отбросить оценочные суждения, можно рассматривать в качестве пролога модернизации и правление Ивана Грозного. Реформы так называемой Избранной рады, а в определенной степени и опричнина вполне подходят под определение модернизации как прорыва от «отсталости» к «современности». Более того, именно опричнина была, по сути, повторным форсированным рывком после того, как первый *tour de force* – при всей грандиозности произошедших перемен – не привел к тому результату, на который рассчитывал Иван Грозный.

При этом, если говорить о модернизации как вестернизации *par excellence*, именно в опричнине эта оглядка на Запад ощущается куда более явно, чем в ре-

---

¹¹ *Toynbee A.J. A Study of History. Vol. 4. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1948. P. 639.*

формах Избранной рады. Начать хотя бы с того, что конфликт царя с деятелями Рады произошел не в последнюю очередь именно из того, что последние не разделяли мнения Ивана Грозного о приоритетности западного вектора внешней политики, а прелюдией к Ливонской войне, как справедливо отмечал Р.Г. Скрынников, были попытки – увы, провальные – наладить собственную торговлю с Западом через Иван-город¹².

Ну, а если вспомнить усилия первого настоящего правителя «всея Руси» Ивана III – того, кто первым предпринял попытку наладить регулярные (отнюдь не дипломатические только) контакты с Западом и воспользоваться помощью зарубежных экспертов, чтоб наверстать упущенное за время изоляции XIII – первой половины XV вв.?

А если погрузиться в кропотливый анализ трансформации отдельных институтов (право, бюрократия, армия и пр.) и попробовать привязать российские процессы к таким же явлениям не только в «ближнем зарубежье» (Польско-литовские государство), но и в странах Западной Европы?

Были ли эти изменения модернизацией в современном ее понимании? Представляется, что применительно к России на пороге Нового времени (вторая половина XV – первая половина XVI в.) заслуживает серьезного внимания глубокая мысль современного российского ученого о том, что «на этом этапе Россия ограничилась заимствованием, главным образом технической

---

¹² Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. С. 130.

стороны тех или иных нововведений, а само удовлетворение новых потребностей осуществлялось путем создания новых разновидностей традиционных общественных институтов»¹³ (Б.Н. Флоря). Очевидно, данная схема неплохо прослеживается в истории всех российских попыток модернизации страны вплоть до эпохи Петра I.

Но какая польза от всех этих поисков первоисточков? Если это становится самоцелью, то – прав был Марк Блок – как минимум никакой. Или даже наоборот: это может быть вредно, поскольку в том-то и заключается опасность мифа, что он подкупает кажущейся очевидностью и как бы освобождает от необходимости объяснения. Тем паче, что множественность упомянутых мифов указывает на то, что даже если какой-то из них вызывает возражения историков, то его опровержение происходит по принципу «клин-клином»: мифологема не деконструируется, а заменяется контр-мифом.

Но, пожалуй, своя доля правоты имеется и в известной сентенции Козьмы Пруткова: «Отыщи всему начало, и ты многое поймешь». Подчеркнем: *многое*, хотя, разумеется, далеко не все. Та или иная историческая персона, которую мы готовы номинировать на роль «перводвигателя модернизации» – это не более (но и не менее!), чем метафора, которая, разумеется, не заменяет кропотливого исследования, но обладает (согласимся с

---

¹³ Флоря Б.Н. Централизация и модернизация Русского государства во второй половине XV – первой половине XVI в. // *Modernizacja struktur władzy w warunkach opóźnienia. Europa Środkowa i Wschodnia na przełomie średniowiecza i czasów nowożytnych*. Red. M. Dygo, S. Gawlas, H. Grała. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1999. С. 72.

Х. Уайтом и Ф.Р. Анкерсмитом) немалым эвристическим потенциалом.

При этом выбор исторической фигуры будет в значительной степени определяться тем, что именно мы понимаем под модернизацией, в зависимости от чего не только названные персоны, но и практически любое «первое лицо» российской истории от раннего Нового времени до современности может рассматриваться в качестве воплощение данной метафоры.

**К вопросу о советской экономической
модернизации второй половины XX века:
миф или реальность?**

Предлагаемый сюжет отчасти продолжает тему историографических мифов, поднятую в предыдущем докладе. В самом деле, историки нередко сами выступают мифотворцами – хотя бы по той причине, что их внимание всегда, со времен Геродота, было сфокусировано на экстремумах – войнах, катастрофах, кризисах. И именно в силу высочайшего драматизма подобных явлений в их осмыслении как правило задействованы не только рациональные методы познания, но и эмоции, интуиция, аллегории, метафоры, т.е. весь тот строительный материал, из которого творятся мифы. Далеко не праздный вопрос: все ли многочисленные «осевые моменты», «переломные эпохи», «развилки» и «упущенные возможности» являются таковыми, потому что историки скрупулезно взвесили все «за» и «против», или мы склонны видеть то, что хотим увидеть?

По отношению к истории Советской эпохи подобные вопросы приобретают особую остроту, поскольку в данном случае мифология историков неизбежно наслаивается на мифологию общества, само бытие которого было невозможно вне мифа. С первого и до последнего момента существования советской власти тотальная индоктринация всего населения («воспитание нового человека») рассматривалась его политической элитой в качестве непреложного условия стабильности режима.

Но, как справедливо заметил Дж.Ф. Кеннан, «систематическое надругательство над человеческим разумом» неизбежно делало саму элиту «пленниками чудовищно искаженной картины внешнего мира»¹⁴.

Описанная коллизия имеет самое непосредственное отношение к одной из наиболее дискуссионных проблем современной историографии: в какой мере была предопределена экономической катастрофы позднего СССР? Действительно ли советское общество упустило реальную возможность успешной модернизации, или мы сами моделируем данную ситуацию в русле историографического мифа «упущенных возможностей»? В то же время, имелись ли помимо материально-технических ресурсов необходимые интеллектуальные и психологические условия для подобного реформирования? Не являлась ли мифологизация сознания советской элиты непреодолимым препятствием на этом пути?

С одной стороны, широко распространено представление, что во второй половине 1950-начале 1960-х гг. СССР обладал уникальной возможностью создать в ходе начавшейся научно-технической революции предпосылки для скорейшего перехода советского общества на постиндустриальную ступень развития. Однако эту возможность исключил идеократизм советского строя. С другой стороны, нередко мифом объявляется вывод о неизбежности крушения советского строя. Более того,

---

¹⁴ Кеннан Дж. Ф. Советский образ мыслей и мировые реалии (перевод с англ. А.В. Кореневского) // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 6 Ростов-на-Дону: Foundation, 2015. С. 413-414.

как раз в попытках спасти этот строй путем его адаптации к условиям рыночной экономики видится губительное для нее «экономическое мифотворчество»¹⁵.

Итак, попытаемся разобраться, была ли модернизация второй половины 50-х – 60-х реальной или мнимой, и имеем ли мы дело с историографическим мифом или с рукотворным мифом самой советской эпохи?

Советское экономическое развитие второй половины XX в. как исследователями, так и современниками связывается с именем А.Н. Косыгина. Более того, 1966-1970-е гг. называют «золотой пятилеткой» и ее достижения напрямую связывают с реализацией конкретных экономических мер т.н. «косыгинской реформы». Согласно официальным статистическим данным, за восьмую пятилетку национальный доход вырос на 41,0 %, а доходы государственного бюджета – на 45,1 %. Вместе с тем, в исследованиях по истории второй половины 1970-1980-х гг. появляются такие термины, как: «нефтедоллары», «консервация», «черный рынок», «цеховики» и т.п. Общим местом стал вывод о том, что экономические процессы в СССР того периода оказались синонимичны катастрофе.

В связи с этим, возникает вопрос: можно ли назвать экономической модернизацией мероприятия, проводившиеся во второй половине 1950-1970-е гг. СССР? Каким видели цели и ожидаемые результаты инициаторы этих реформ, и чем они обернулись для

---

¹⁵ Кара-Мурза С.Г. Народное хозяйство СССР: цифры, факты, анализ. М.: Родина, 2020. С. 18.

экономики страны? Справедливо ли вообще говорить о модернизации плановой экономики?

В 1962 г. в газете «Правда» была опубликована статья профессора Е.Г. Либермана «План, прибыль, премия». Она стала ответом на обозначившиеся негативные тенденции в экономике страны: предприятия делали все возможное, чтобы получить заниженные низовые планы, берегли оборудование, делали скрытые запасы продукции «на всякий случай». Госплан СССР слабо ориентировался на предоставленные «с мест» данные, сознательно завышая показатели.

Все это в итоге приводило к усилению разгона между показателями, спущенными «сверху» и результатом, выполненным предприятиями. Государство было вынуждено повышать закупочные цены, следовательно, росли цены на продукцию. Инвестиции, по меткому замечанию К. Леонард, в отличие от аналогичных мер, применявшихся в западных странах, не произвели коренного перелома в темпах экономического роста¹⁶.

Меры, предложенные Е.Г. Либерманом, предполагали переориентацию деятельности советских предприятий на основе «плановых нормативов рентабельности» на длительный период. Их выполнение должно было быть обеспечено и гарантировано тем, что до совнархозов, исполкомов местных Советов будут доведены обязательные годовые контрольные цифры по всем важнейшим показателям. Одновременно снизу в совнархоз поступят разра-

---

¹⁶ Леонард К. Аграрные реформы в России: дорога из рабства. М: издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 183.

ботанные самими предприятиями планы с учетом обязательных заданий по количеству и номенклатуре изделий. По задумке автора, в таком случае при составлении планов предприятия будут заинтересованы в том, чтобы дать максимум продукции при минимуме текущих и капитальных затрат. В августе 1964 г. началась проверка этих идей на двух текстильных фабриках: «Большевичка» (Москва) и «Маяк» (Горький).

С докладом об итогах эксперимента и необходимости экономических преобразований выступил А.Н. Косыгин на Пленуме ЦК КПСС¹⁷. Главным показателем работы предприятий и отраслей вместо объема валовой продукции становился объем реализованной продукции, который, по мнению А.Н. Косыгина, должен был поставить производство в непосредственную зависимость от потребителя. Оживить производство намечалось интеграцией в планово-директивную экономику таких экономических рычагов, как цена, прибыль, кредит, премии.

Данная реформа вполне укладывалась в политическое кредо Л.И. Брежнева, которое справедливо сформулировала С. Шаттенберг: «Повышение жизненного уровня народа оставалось лейтмотивом его действий, изменявшемся лишь в небольшой степени»¹⁸. А.Н. Косыгин, безусловно, талантливый технократ, вместе с тем, предстал глашатаем программы преобразований, разра-

---

¹⁷ Постановление от 4 октября 1965 г. N 729 о совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства // СП СССР. 1965. № 19 – 20. Ст. 153.

¹⁸ Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 327.

ботанной и апробированной партийным и государственным руководством с опорой на разработки ученых-экономистов. Но именно вторая половина 1950-х гг. – первая половина 1960-х гг. ознаменовались хаотичными преобразованиями экономического управления в СССР: от создания совнархозов в 1957 г., разделения органов управления по производственно-отраслевому принципу на сельскохозяйственные и промышленные до их отмены в 1965 г., от образования в ноябре 1962 г. Совета народного хозяйства СССР и в марте 1963 г. Высшего совета народного хозяйства народного хозяйства СССР до министерской реформы 1965-1967 гг.¹⁹ Последняя реформа проходила одновременно с реализацией реформы А.Н. Косыгина. Своеобразие ситуации состояло в сочетании идеологического контроля с идеями экономического реформирования, стержень которых составляли технократические ценности²⁰. Данная ситуация была опасна не только своим макроэкономическими последствиями, но и создавала излишнюю напряженность в советском обществе. В ряде случаев, это заканчивалось вооруженными конфликтами между властью и народом, как случилось, в частности, в Новочеркасске 1-2 июня 1962 г.

Поскольку экономическая плановая системы оставалась прежней, менялись лишь элементы внутри

---

¹⁹ Ведерников А.В. Реорганизация партийных органов РСФСР по производственно-отраслевому принципу в 1962—1964 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2014. № 3. С. 158-171.

²⁰ Соколов А.К., Тяжельников В.С. Курс советской истории, 1941-1991. М.: Высш. шк., 1999. 415 с.

нее, следовательно, руководители предприятий на местах по-прежнему сохраняли старую привычку занижения показателей, укрытия излишков и запасов. Вместе с тем, предоставленная предприятиям, следовательно, их директорам, свобода способствовала усилению черного рынка. Не менялась сама система управления экономикой: механизм составления плановых показателей – фактически снизу-вверх, отсутствие четкого разграничения между полномочиями партийных и государственных органов. Как справедливо отметил Р. Габидулин, середина 70-х гг. XX в. оказалась тем временем, когда был достигнут предел возможностей плановой коммунистической экономики²¹. Что породило необходимость со стороны правительства уже в первой половине 1980-х гг. обратиться к жестким мерам, с одной стороны, по повышению производительности уже конкретного работника, с другой стороны, по контролю за недобросовестными директорами производств.

М.С. Горбачев в начале реализации своей экономической реформы обратился, по сути, к планам середины 1960-х гг. Однако, именно на этом этапе было преодолено главное утопическое положение Либермана, полагавшего, что предприятия от нерентабельной продукции будут отказываться, но задача ценообразования состоит в том, чтобы обеспечить в нормальных условиях рентабельность для всего ассортимента изделий²². Именно преодоление этой позиции означало слом в

---

²¹ Габидулин. Р.С. История коммунизма в России. М.: Политическая энциклопедия, Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2019. 391 с. С. 286.

²² Либерман Е. План, прибыль, премия // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 420–432.

концептуальных представлениях правительственных технократов: произошло осознание необходимости ухода от плановой экономики в условиях позднего СССР. Как бы то ни было, вторая половина XX в. знаменуется постоянными экономическими преобразованиями, в целом постепенно все более сдвигавшим экономику страны к рыночным элементам хозяйствования. Таким образом, преобразования рубежа 80-х и 90-х были прямым следствием невозможности реальной модернизации советского строя в 60-х, что, в свою очередь в значительной мере было опосредовано мифологизацией сознания тех, кто эту модернизацию затеял.

ТЕЗИСЫ ПАНЕЛЬНЫХ ДОКЛАДОВ

МИФ ИСТОКОВ – ИСТОКИ МИФА

Дмитриев М.В. (МГУ; НИУ ВШЭ)

Византийско-православные традиции как тормоз российской модернизации? Миф «ничтожной Византии» («*la misérable Byzance*») и историческая компаративистика

Главный тезис данного доклада, представляемый на обсуждение, может быть сформулирован следующим образом. Современное состояние исследований, касающихся как модернизации западных стран, то есть модернизации «самой по себе» (поскольку исторически модернизация есть метаморфоза именно западной культуры в Новое время), так и модернизационного перелома в России, пока не позволяют сказать, насколько византийско-православные традиции «тормозили прогресс» в России.

При этом нужно признать, что идущее от эпохи Просвещения понимание модернизации как «прогресса» – универсального, естественно-исторического явления (а такой подход неизбежно приводит к делению стран и обществ на «передовые = прогрессивные» и «отсталые = реакционные») – лежит в области мифологии,

а не научного знания, и поэтому сам вопрос о торможении или не-торможении модернизации в России есть, возможно, вопрос ложный.

В таком контексте вопрос о функциях византийско-православных традиций в истории России релевантен и важен не как вопрос о факторах «прогресса» и «отсталости», а как очень старый вопрос о типологии общественного развития, то есть вопрос о том, каково соотношение опыта «человечества вообще» с опытом типологически разных цивилизаций, составляющих человечество. Стала ли допетровская Русь (включая православное население украинско-белорусских земель) частью византийского цивилизационного круга?

Представляется, что этот вопрос решен уже окончательно: да, стала, несмотря на: а) лишь частичное и «однобокое» усвоение (через процессы христианизации) византийских традиций; б) долгое сохранение языческого субстрата в православной культуре Руси; в) культурную многоукладность древнерусского и старомосковского общества (не-христиане рядом с христианами). Публицистические ссылки на «языческую» Русь, «славянскую» Русь, «ордынскую» Русь, просто «дикую, варварскую» Русь давно уже потеряли убедительность, стали частью девальвированной и, в общем-то, нелепой мифологии.

Бесспорно и более или менее очевидно, однако, и то, что византийская культура не может быть редуцирована к ее конфессиональной составляющей. В этом смысле усвоение византийского наследия, действительно, может быть квалифицировано как частичное и даже одностороннее (однобокое). С другой стороны, со

строго исторической точки зрения, как показали современные исследования, «православность», восточно-христианская типология не-латинского, не-западного средневекового мира была, так сказать, тотализирующей тенденцией развития Руси, то есть вела к тому, что все стороны общественной и индивидуальной жизни так или иначе, в той или иной степени коррелировали с конфессиональными началами. Наиболее адекватной оптикой анализа этих корреляций была бы оптика исторической социологии, связываемой с именем и наследием Макса Вебера.

Эта конфессионально-цивилизационная составляющая (и, видимо, – конститутивная, несущая конструкция, остов) допетровской Руси вступила в конфликт с вестернизирующим вектором преобразований. Да, она «тормозила» вестернизацию, а если вестернизацию приравнять к модернизации и «прогрессу», то она тормозила и «прогресс» с модернизацией. И именно этот очевидный *факт* российской истории лежит в основе противостояния П.Я. Чаадаева, В.Г. Белинского, А.И. Герцена и ранних славянофилов (братьев Киреевских, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова). Но вот вопрос о том, что именно привнесли в допетровскую культуру православно-конфессиональные культурные традиции и насколько они сохранились в широких и элитарных слоях общества, изучен пока весьма, как кажется, поверхностно, оставляя простор для мифологических толкований.

Среди многих аспектов данной проблематики можно выделить и два следующих. Во-первых, корреля-

ции византийско-православных традиций с тем, как развивались дискурсы протонационального и национального самосознания православного населения Восточной Европы, Кавказа, русского Севера и Сибири, в допетровское и послепетровское время. Во-вторых, корреляции между этими традициями и моделями *accommodating cultural differences* (моделями религиозно-культурного плюрализма), которые легли в основу и Московского царства после 1552 г. и Российской империи со времен Петра I. В докладе будут представлены комментарии по двум этим вопросам.

Так что же именно представляла собой «*la misérable Byzance*» и что именно она передала в культуру Восточной Европы? П.Я. Чаадаев, если посмотреть трезво на опыт этого блестящего гвардейского офицера, воплотившего самой своей фигурой разрыв между 95% населения России и тремя-пятью остальными процентами, этого просто не знал. Мы же теперь об этом более или менее осведомлены. Сегодня мы знаем наверняка, во-первых, что Византия никак не была «*misérable*»; во-вторых, восточно-христианская составляющая ее культуры была вовсе не такой, какой ее видит значительная часть современных публицистов и журналистов, как в России, так и за ее пределами.

С вопросом о модернизации России это наследие связано не в том смысле, тормозила ли православная традиция «прогресс», а в том, что различия в *типах* развития («особый путь России», если угодно нашим публицистам и журналистам) есть факт мировой истории, и это хорошо показывает опыт пространства между Атлантикой и Уралом, Северным морем и Кавказом.

А.В. Мартынюк

(Республиканский институт высшей школы, Минск)

Русь Великая, Малая, Белая, Черная, Червонная и иная: мифология древности и конструирование традиции

XIX век вошел в историю исторической науки и общественно-политической мысли как век «больших нарративов», призванных легитимизировать формирующиеся нации через их историческое прошлое. Это прошлое в такой парадигме не могло не быть «древним и славным». Соответственно, в историографии существовала имплицитная тенденция к удревнению исторических реалий, многие из которых, при более внимательном рассмотрении, оказываются конструктами сравнительно недавних времен.

В докладе данная проблематика будет рассмотрена на примере одного конкретного кейса, связанного с упоминанием «Белой Руси» и «Красной Руси» в средневековом источнике и его рецепцией в историографии и общественно-политической мысли Нового и Новейшего времени.

Историк из Беларуси не может остаться равнодушным, столкнувшись в тексте средневекового источника с наименованием «Белая Русь». Генезису и историческому развитию хоронима «Белая Русь» посвящена обширная исследовательская литература. Одно из самых ранних упоминаний «Белой Руси» в европейской традиции встречается в «Хронике Констанцкого со-

бора» Ульриха Рихенталя (XV век). «Белую Русь» представлял на соборе «герцог Федор из Белой Руси и господин в Смоленске» – князь Федор Юрьевич, сын последнего правителя независимого Великого княжества Смоленского Юрия Святославича. В «Хронике» приведены и гербы князя Федора, которые также уже становились предметом специального рассмотрения и получили геральдическую и историческую трактовку. И само упоминание «Белой Руси», и наличие у нее собственных геральдических символов (как казалось, устойчивых) трактуется исследователями как свидетельство древней политической и культурной традиции, связанной с историей северо-западных земель Руси (Смоленска, Новгорода, Полоцка и др.).

В ином месте «Хроники Констанцкого собора» князь Федор назван правителем «Красной Руси», имеется и изображение соответствующего герба. Наименование «Красная Русь» связывается с Червонной Русью, подталкивая исследователей к поиску ее преемственности с историей «червенских градов» на пограничье Руси и Польши (известны с конца X века), с государственной традицией Галицко-Волынского княжества эпохи его расцвета (XIII век) и его геральдическими символами. Упоминание «Белой Руси» и «Красной Руси» в «Хронике Констанцкого собора», оказывается, таким образом, свидетельством существования устойчивых территориальных единиц, имеющих свои корни в истории Древней Руси и ставших основой новых политических и этнокультурных реалий на восточнославянских землях, формирование которых относится уже к Новому и Но-

вейшему времени. Апелляция к истории наделила новым смыслом и «русские гербы» Констанцкого собора: Смоленск – «щит России», Красная Русь – наследница Галицко-Волынского княжества и т.д. Постепенно гербы приобрели «историографическую солидность» и стали рассматриваться в научной историографии XIX – начала XXI века как пример древней традиции, идущей от времен домонгольской Руси, как драгоценные свидетельства континуитета политической и культурной истории.

В докладе будет представлена иная трактовка данных упоминаний и геральдических изображений: от окказионального казуса начала XV века, связанного с конкретным историческим персонажем и конкретными политическими реалиями эпохи, к конструированию «исторической традиции» на рубеже позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV–XVI века). Именно в это время создавались многие культурные сущности, которые являются важным элементом исторической памяти современных европейских стран. И сами упоминания «Белой Руси» и «Красной Руси», и соответствующие геральдические изображения выступают в этом контексте как классические «места памяти», которые оказались востребованы научной историографией и массовым общественным сознанием в процессе формирования новых идентичностей на восточнославянском пространстве. На их примере можно увидеть механизм конструирования исторической традиции, которая из перспективы сегодняшнего дня часто априорно воспринимается нами как свидетельство «исконной древности».

C. A. Raffensperger (Wittenberg University, Springfield)

**Creating a Medieval Rus':
Mykhailo Hrushevsky's «History of Ukraine-Rus'»**

Towards the end of the nineteenth-century, Mykhailo Hrushevsky began writing his monumental multi-volume *History of Ukraine-Rus'*. Hrushevsky's main purpose for this project was to write a history of his burgeoning nation, Ukraine, during the tumult of national uprisings of the time. This was certainly the case, but I would suggest that it was only one of multiple purposes that Hrushevsky had when writing such a vast history covering over a thousand years. Another, and one more relevant to my interests, is to present a new image of medieval Rus as part of medieval Europe.

Hrushevsky trained as a medievalist and the three volumes of *History of Ukraine-Rus'* which deal with the medieval period still stand up today in the twenty-first century as solid medieval history. He used the traditional sources in Old East Slavic (such as the *povest' vremennykh let* and the Galician-Volhynian Chronicle), Greek, and Latin to flesh out the picture of Rus as integral to medieval European affairs. For instance, his treatment of Iziaslav Iaroslavich's eleventh century exile from Kiev includes lengthy narrations of his stay in Poland and the German Empire, as well as his son Iaropolk's trip to the papacy to meet with Pope Gregory VII. Later, he examined the ins and outs of the transition from the twelfth to thirteenth century where multiple Polish and Hungarian powers vied and interacted with Russian powers for control over the western borderlands of Rus. In both of

these instances, and many more, his grasp of the extant primary sources is excellent and, in some cases, still unrivaled in modern scholarship.

Another of Hrushevsky's goals for his work was the challenge what had already become the dominant narrative of the history of Rus as Russian history written most eloquently by his contemporary Vasiliï Kliuchevsky. Kliuchevsky's five-volume *History of Russia* laid out a plan, much like Hrushevsky's *History of Ukraine-Rus'*, but in this instance it was the rise of Russia from the days of Rus', through Muscovy, to the Russian Empire of the author's then present. Medieval history, for Kliuchevsky, was a way to help explain the failure of Kiev as a political center and the rise of Moscow in its stead. His work displays little interest in the interactions of Russian rulers with the rest of medieval Europe, and his focus is almost entirely on Slavic sources for the period.

Kliuchevsky's view, though anachronistic to a modern movement of scholars of Rus which focus on its interconnectivity with medieval Europe, triumphed for multiple reasons. One is the popularity of Kliuchevsky himself and his wide stream of students and followers who taught not just in Russia but all over the world. The second reason is language. Kliuchevsky's work was written in Russian, which was already accessible to many, but was translated quickly into numerous other languages and thus became even more widely accessible; while Hrushevsky, for particular reasons, chose to write in Ukrainian, and only the first volume of his work was translated into another western European language (German).

Despite Kliuchevsky's triumph, the work of Hrushevsky is experiencing a renaissance as his *History of Ukraine-*

Rus' has now been translated into English for the first time, and scholars are able to see a century old depiction of medieval Rus that looks startling like the most modern scholarship in many ways.

А.И. Савин
(Институт истории СО РАН, Новосибирск)

**«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИФ ПОСТРОИМ»:
КУЛЬТ ПАВШИХ ГЕРОЕВ В СОВЕТСКОЙ РОС-
СИИ – СССР В 1917 – 1941 гг.**

Настоящий доклад посвящен формированию культа героев-мучеников (героев-жертв) в Советской России – Советском Союзе в межвоенный период как важной составной части большевистской идеологии. Для этого в первую очередь будет рассмотрен в динамике ритуал так называемых «красных похорон» в контексте становления новых форм «советской» похоронной обрядности в 1920-е – 1930-е годы. Отдельное внимание при этом будет уделено концепту «красивой», «осмысленной» смерти, являвшейся залогом политического бессмертия большевистских деятелей. Центральное место в выступлении применительно к 1920-м годам займет анализ революционной аскезы как главной преграды на пути формирования культа героев-мучеников, нежелания части большевиков, особенно из числа «ленинской гвардии», превращать «павших героев» в «красные иконы». В результате культ «героев-жертв» развивался вплоть до начала 1930-х годов в достаточно жестких границах. В 1930-е годы происходит существенная трансформация культа «павших героев»

под воздействием двух важнейших факторов: перманентного празднования достижений и побед советской державы, а также формирования культа Сталина как главного советского вождя и героя. В совокупности это привело к складыванию, наряду с культом Сталина, десятков «маленьких» культов здравствующих сталинских соратников. Культ «павших героев» оказался вытеснен на второй план, однако по-прежнему оставался важной составной частью большевистской идеологии. На примере в первую очередь документов Политбюро ЦК ВКП(б) в докладе будет показано складывание канона похорон и увековечивания памяти представителей партийно- государственной элиты в 1930-е гг., а также дана оценка героического культа как инструмента индоктринации и мобилизации советского общества.

МОДЕРНИЗИРУЕМАЯ РОССИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. де Лазари (Лодзинский университет)

«НАРОДНОСТЬ» КАК МИФ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Когда 15 ноября 1989 г. Лех Валенса начал свое выступление перед Конгрессом США словами «*My, Naród*» и переводчик передал их как «*We the People*» – слова, с которых начинается американская Конституция, – конгрессмены устроили Валенсе овацию. Думали ли они тогда о том же, что и он? Разве «*My, Naród*» председателя польской Солидарности с Матерью Божьей в лацкане пиджака то же самое, что «*We the People*» американцев?

О каком «народе» могли думать многонациональные жители США, когда в 80-е. годы XVIII в. утверждали свою конституцию? Хотя «Идеи к философии истории человечества» Гердера, дающие основу романтическому пониманию «этнического народа» и национализма, создавались в тот же период, это не немецкая мысль: просвещенческая, гражданская французская мысль сформировала мировоззрение создателей этой Конституции, а его символом стала, подаренная спустя сто лет французами американцам Статуя Свободы.

Кто должен был быть свободным? Каждый человек, каждый гражданин. Получается, что «We, the People of the United States» – это «Мы люди [граждане] Соединенных Штатов», все вместе и каждый в отдельности. Такое понимание «народа» лишь в 1997 г. предложили полякам создатели нашей теперешней Конституции: «Мы, польский народ – все граждане Речи Посполитой», независимо от этнического происхождения, «народности», вероисповедания. Сегодня Валенса, будучи в оппозиции, поддерживает такое понимание «польского народа», в отличие от правящих идеологов, которые из своего националистического проекта основного закона государства выбросили слова «все граждане Речи Посполитой». В 1989 г. Валенса не обладал еще «гражданским сознанием». Тогда ему, как и большинству поляков, столетиями боровшихся за независимость, родным казалось романтическое понимание «народа» как нации-этноса. Свободным должен был стать народ, а не каждый гражданин в отдельности. К сожалению, сегодня в польской государственной политике такое

националистическое понимание «народа» и «народности» опять начинает преобладать.

В России дело выглядит гораздо сложнее. Во-первых, потому, что она, как и США, многонациональная страна; во-вторых, потому что категории народа и народности пришли сюда через Польшу из немецкого романтизма, а не из Франции. Впервые, насколько известно, понятие «народность» прозвучало в русской истории в письме из Варшавы П. Вяземского к А. Тургеневу (1819). С тех пор оно надолго стало основой литературных и идеологических прений. В 1832 г. С. Уваров признал народность одной из основополагающих категорий русскости/российскости и «разместил» ее в известной формуле «православие, самодержавие, народность».

В XIX в. в России: 1. Народ отождествлялся с государством, а народность становилась категорией, определявшей политические великодержавные интересы России. 2. Народ отождествлялся с дворянством (в отличие от «простого люда»), а народность, понимаемая в категориях культуры как личность народа, определялась лишь цивилизованными слоями общества. 3. Народ отождествлялся с «простым людом», с крестьянством (в отличие от потерявших якобы национальный облик дворянства и интеллигенции), а народность постигалась как личность народа, которую прежде всего выражало крестьянство. 4. Термином народ (или нация) определялись все люди, которые на данной географической территории образовали единую культуру, пользовались единым языком и исповедовали единую религию. Народность определяла «личность» данного народа, воспринимаемого как единое целое.

Кроме официальной мысли (напр. С. Уваров), «огосударствление» народа было свойственно последователям «юридического» просвещенческого мировоззрения и русским гегельянцам. Отход от идеи народа-государства в направлении народа-культуры характеризовал русских романтиков. Позже народ-культура и народ-государство слились воедино в контексте панславизма, евразийства, советской идеологии («идейность, партийность, народность»), а – в идеологии Российского государства, выраженной в преамбуле Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». Идея «народа» свободных граждан принципиально чужда официальной российской идеологии и россияне, как и Валенса в 1989 г., вряд ли отдадут себе отчет, что слово «народ» в «Мы, народ Соединенных Штатов» не означает того же, что в «Мы, многонациональный народ Российской Федерации».

В.В. Журавлев
(Институт истории СО РАН, Новосибирск)

АНТИЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНО- РОССИЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (1918–1919 гг.)

Противоборствующие силы Российской революции 1917–1922 гг. описывали себя и своих врагов, пользуясь необычайно широким набором исторических, политических и социальных метафор. Многие из этих метафор легко преодолевали линии многочисленных фронтов и участвовали в складывании коллективных идентичностей,

которым предстояла долгая историческая жизнь. Особенно интересны метаморфозы в условиях гражданской войны русского западничества/антизападничества.

Как в лагере революции, так и в разнообразных контрреволюционных очагах в начале гражданской войны доминировала западная, европейская идентичность. Однако вскоре, по мере развития грандиозного конфликта, в различных частях контрреволюционного спектра все явственнее оформляются различные версии антиевропеизма. Антибольшевистские версии скифства, панмонголизма, ориентализма и политически окрашенного «фовизма» соседствовали и успешно конкурировали с черносотенным пассаизмом.

Не случайно в репрезентации образа Л.Г. Корнилова подчеркивались путешествия в Восточный Туркестан, Афганистан и Персию, К.Г. Маннергейма – в Тибет, А.В. Колчака – в Полярную Азию, участие в поисках Арктиды. Абиссинские экспедиции Н.С. Гумилева были настолько созвучны этим тенденциям, что влияли на восприятие его фигуры, делая его более «белым», чем он являлся на самом деле. В данном контексте панмонголизм Р.Ф. Унгерн-Штернберга перестает выглядеть уникальным и загадочным явлением.

Успешное изучение этих идеологических феноменов невозможно без привлечения (естественно, *mutatis mutandis*) далеко не единичных европейских аналогов, например, мышления и политической практики Лоренса Аравийского и Габриеле Д'Аннунцио.

БОРЬБА МИФОВ В ИСТОРИОГРАФИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

История как наука о человеке испытывает воздействие массового исторического сознания. При этом в рамках научного дискурса возможно существование положений, относящихся к мифологии и не имеющих с наукой ничего общего. Историк может транслировать миф без опоры на источники или на источники, не имеющие прямого отношения к теме исследования. Может быть более сложный случай, когда в труде историка дается анализ источников, но мифологема выражается на уровне концепции. Это находило проявление в трудах по истории донского казачества. Это наиболее заметно в исследовании проблемы происхождения казачества. Вообще проблемы этногенеза и социогенеза представляют трудность ввиду ограниченного круга источников и сложности их критики и герменевтики. Начало исследования этой проблемы положил В.Н. Татищев, который основывал ее на символической этимологии и на сходстве этнонимов «черкасы» и «черкесы», топонимов Черкасы на Днепре и Черкасск на Дону. Отсюда он сформулировал конструкцию, в которой нашлось место при объяснении происхождения донского казачества для пятигорских черкесов, черкас-запорожцев, князя Вишневецкого и турецкого похода на Астрахань 1569 г. По мнению донского историка П.П. Сахарова, В.Н. Татищев положил начало распространению мифологемы о нерусском происхождении донского казачества в эпоху глубо-

кого средневековья. Она получила распространение в советской историографии, когда в качестве предшественников и предков донского казачества называли бродников и червленоярцев, о которых в источниках очень мало сведений. П.П. Сахаров противопоставил этой мифологеме теорию трудового и промыслового происхождения казачества на Дону. Она также не была лишена мифологических наслоений. Не ясно, почему он отрицал разбойные действия со стороны русских промысловиков. В этой связи не ясно, как мирные промысловики превратились в воинов-казаков.

Едва ли в этой связи возможно отделять мирные промыслы от промыслов в форме разбоев и получения военной добычи. Историк-юрист С.Г. Сватиков в обстоятельном труде, посвященном политической истории Дона, делал вывод о республиканском устройстве Войска Донского в XVII в. и о существовании у казаков государства в форме республики. Этот вывод имеет черты мифа. Он соответствует распространенному в отечественной исторической мысли положению о наличии в русском средневековье демократической альтернативы самодержавию. В труде советского историка Н.Л. Янчевского (1930 г.) о происхождении донского казачества заметно глубокое знание источников. Но им противоречит узость вывода, в котором казаки представлены только как наемное войско московского торгового капитала, получающего жалованье за службу по охране торгового пути по Дону. Отвергается такая сторона истории казачества, как стремление его к вольности, указание исто-

риков на которую Н.Л. Янчевский называл «реакционной романтикой». Но само положение о происхождении казачества в связи с потребностями торгового капитала в охране донского пути является историческим мифом. Таким образом, в трудах историков прошлое донского казачества XVI-XVII вв. пропитано историческими мифами. Сама по себе эта мифология представляет интерес, поскольку показывает, как в массовом сознании, которое оказывает влияние на историческую науку, представлялось казачество этого времени. В то же время мифы в трудах историков о донских казаках дают дополнительное основание поднять вопрос о возможности и формах сосуществования истории как науки и мифологических начал массового исторического сознания, которые оказывают воздействие на сознание самого историка.

М.В. Братолобова (ЮФУ)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ)

Современные мифы наполняют города новыми смыслами и позволяют им подчеркивать свою исключительность. Мифологизация города является способом конструирования городской идентичности. А город выступает в таком случае, как особый мифологический текст. «Мифоистория» (термин Уильяма МакНила) формирует такое прошлое города, которое может отразить представления местного сообщества о себе и сфор-

мировать новую локальную идентичность. Город обращается к «мифоистории» чаще всего на волне модернизационных процессов, когда происходит процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией; когда необходимо объяснить стремительное возрастание экономической роли города и осмыслить изменения. Волнообразность модернизационных процессов задает траекторию появления мифов и в Ростове-на-Дону.

Ростов-на-Дону относится к типу «городов-крепостей», исторически сформировавшихся в XVIII веке как форштадт при крепости св. Димитрия Ростовского. Но уже к середине XIX века военное поселение – крепость св. Димитрия Ростовского превращается в торгово-промышленный город Ростов-на-Дону. Именно поэтому исторически идентичность Ростова-на-Дону складывается на совмещении военной истории крепости и купеческой мифологии. Так, наиболее популярными являются такие мифы, как «Город подземелья», «Дмитриев базар», «Город купец», «Амбар империи», «Азовский Ливерпуль», «Русский Чикаго», «Русский американец», «Рост-Анжелес». Легенды-рассказы о различных объектах подземного мира Ростова-на-Дону включают в себя рассказы о пещерах, кладях монастыря Сурб-Хач, ценностях, укрытых в подземельях Темерницкой таможни и т.д. Но большая часть мифов и легенд о подземных объектах города – это подземные ходы, оставшиеся от крепости св. Д. Ростовского. Эти мифологии создают для самопрезентации Ростова-на-Дону основания, переживаемые как «естественные».

Миф выступает как объяснительная конструкция, с помощью которой город определяет ориентир и объясняет модернизационные сдвиги общества. При этом на каждом пике «синусоиды» модернизации эти формы самоинтерпретации приобретают свою специфику, созвучную эпохе. Если на рубеже XIX-XX вв. преобладали мифологемы эконмического роста (как правило, эксплуатирующие образы мировых центров промышленности и торговли – Ливерпуля, Чикаго, Лос-Анджелеса), то в советский период на первый план выступает криминальная тема. В 30-х гг. XX века Ростов-на-Дону получает неофициальный статус криминальной столицы России. Воровская история романтизируется, появляется криминальная мифология: «Ростов-папа», «Хребет беззакония», «Сонька - золотя ручка».

Сегодня Ростов-на-Дону продолжает конструировать свою идентичность, но уже вокруг «казачьего мифа». Апелляция к казачьему мифотворчеству города, с одной стороны, объясняется экономической целесообразностью, с другой – является уже не частью спонтанной, «народной мифологии», а конструируется искусственно «сверху», как часть идеологии. Здесь мы имеем дело с искажением истории, произвольным использованием фактов вне их исторического контекста, для утверждения выбранной идеологемы. Сегодня мифологизированный образ города создается с помощью включения в урбанистический пейзаж памятников, садово-парковых скульптур, культурно-выставочных центров казачьей направленности.

В современной городской идентичности Ростова-на-Дону оказываются актуальными и востребованными

и такие приемы, как сакрализация, то есть вывод за рамки повседневности каких-либо персон. Так, примечателен миф о городском голове Андрее Матвеевиче Байкове, которому приписывают роль «отца города», изменившего весь ход развития Ростова-на-Дону.

Изучив все многообразие мифов можно сделать вывод о том, что чаще всего используются исторический мифологический материал и мифы о подземельях. Мифы же топологические, религиозные, литературные и вовсе не включены в туристическое пространство Ростова-на-Дону. Сегодня мифологемы Ростова-на-Дону становятся неотъемлемой частью городской идентичности и условием повышения его статуса.

ГОСУДАРСТВО КАК ДЕМИУРГ МОДЕРНИЗАЦИИ

Л.М. Мининкова (ЮФУ)

ЭТАТИСТСКИЙ МИФ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Мифология в трудах историков не только то, что в той или иной степени противоречит целям научного познания. В отдельных случаях трансляция в историческом труде мифов и мифологем может играть необычную роль. Они способны отчетливо выразить мысль историка, придать историческому труду такую сторону, которая была бы востребована современником и составила бы часть его исторического сознания.

В этой связи роль мифологем противоречива. Они отдаляют произведение, созданное историком, от науки,

ведут к отрыву от нее. Но при этом способны подчеркнуть мысль историка, а для исследователя истории исторической науки – понять замысел и идеи автора. Отечественная историография дает немало примеров в трудах историков мифологических наслоений, которые распространены в обществе или в определенных его сегментах. Один из наиболее ярких примеров можно найти в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Он касается характеристики восприятия русским обществом опричной тирании и представления о поведении общества в условиях тирании.

Обычно исследователи жизни и творчества Карамзина на эти строки не обращают должного внимания. Но со стороны студентов этот фрагмент воспринимается не с меньшим интересом, чем то, что историограф написал о самой опричнине. Карамзин так объяснял отношение общества к опричному террору: поданные царя «не боялись смерти, утешаясь мыслью, что есть другое бытие для счастья добродетели, и что земное служит ей только искушением». Они «гибли, но спасли для нас могущество России, ибо сила народного повиновения есть сила государственная».

Конечно, говорить о «добродетели», как и о спасении государства, могли современники историографа, монархисты в первую очередь. Но считать, что такое понимание характера царской власти и роли государства имелось в сознании людей XVI в., выглядит историческим мифом.

Черты мифа видны в противопоставлении С.М. Соловьевым двух социальных слоев общества. Мирные

труженики «разработали нашу землю своим трудом великим, подвигом необычайным». Но были и те, кто, «как бичи божьи, приходили из степей, чтоб вносить смуту и опустошение в родную землю, которые умели только разрушать и не умели ничего создать».

Конечно же, все симпатии историка были на стороне первых. Однако сведение всей сложности социального противостояния в Московском государстве к такому противостоянию есть исторический миф, из которого выпадал глубокий общественный антагонизм, возникший на почве крепостного права.

В.О. Ключевский писал, что Московское государство «родилось на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты». Известна склонность Ключевского к афористическому выражению своих мыслей, в которых ему удается схватить суть явлений. В данном случае это его выражение по существу тот же самый афоризм, в котором проводится мысль о том, что создание Московского государства связано было со славным боевым прошлым.

Однако противопоставление этого прошлого скопидомному сундуку Ивана Калиты имеет оттенок исторического мифа, поскольку военные успехи невозможно отделять от экономических их предпосылок. Эти примеры показывают, насколько сложно бывает истории, причем с середины XIX в. научной, отделиться от мифологии. Миф или его элементы в научном историческом исследовании могут сосуществовать. И если такой миф не выходит на первый план исторического труда, то такое сосуществование представляется допустимым. Но

при этом оно выходит на уровень актуальной методологической проблемы.

П.В. Акульшин (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина)

БЮРОКРАТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В ходе процесса модернизации уже к середине XIX в. в отечественном общественном сознании сложилась устойчивое представление о том, что бюрократия являлась главным препятствием на путях развития России. Оно оставалось и остается устойчивой частью историографического и общественно-политического дискурса и в последующие эпохи, как советскую, так и постсоветскую.

Но конкретно-исторический анализ исторического процесса модернизации показывает, что в Российской империи именно бюрократия выступила в роли инициатора и исполнителя реформаторских планов. Огромный шаг в модернизации России был связан с целой плеядой государственных деятелей эпохи Александра II, за которыми в историографии закрепилось наименование «либеральная бюрократия». Их появление в рядах правящей элиты и несомненные успехи в деле реформирования России были бы невозможны без деятельности предшествующих поколений их предшественников, которых можно условно определить термином «просвещенная бюрократия».

На протяжении дореформенной эпохи сменилось два поколения «просвещенной бюрократии». Первое из

них – члены «Негласного комитета» и узкий слой связанных с ними представителей бюрократии, в том числе и М.М. Сперанский. Представителями следующего, более многочисленного, поколения «просвещенной бюрократии» стали представители образованного дворянства, идейное формирование которых пришлось на царствование Александра I. К нему принадлежали многие министры Николая I (Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.С. Уваров, П.Д. Киселев) и целый ряд других деятелей той эпохи (П.А. Вяземский, В.А. Жуковский и т.д.).

Оба поколения «просвещенных» бюрократов являлись сторонниками отмены крепостного права и конституционных преобразований государственного строя. Составной частью реформирования России в их представлении было развитие народного просвещения и свободы печати под контролем властей. Это должно было способствовать формированию нового типа дворянина и чиновника, а в перспективе, вообще русского человека.

Итогом идейных поисков «просвещенной» бюрократии первой половины XIX в. стала теория «официальной народности». Она явилась российской разновидностью такого общеевропейского политического течения, как легитимизм, сложившегося в эпоху «наполеоновских войн» и не сводилась к чисто охранительным началам.

Теория «официальной народности» в представлении ее создателей подразумевала реформирование страны, при сохранении внутренней стабильности и международного статуса Российской империи как великой европейской державы. «Просвещенная бюрокра-

тия» стремилось выразить растущее национальное самосознание, связывая идею самобытности России с необходимостью преобразований, выработав тем самым отечественный вариант концепции «консервативного реформирования».

О.О. Завьялова (ЮФУ)

МИФ ОБ «ИДЕАЛЬНОЙ» ВЛАСТИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ (СЕРЕДИНА – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Самодержавная власть в Российской империи, обладавшая широкими властными прерогативами, на протяжении XVIII – XIX вв. выступала «двигателем» модернизации государственных и общественных структур. Однако в начале XIX в., особенно во второй половине правления Александра I, между передовой частью русского образованного общества и правительством произошло серьезное расхождение во взглядах на основные внутренние и внешнеполитические вопросы развития страны, ярко проявившееся в восстании декабристов. Одну из основ непримиримых властно-общественных противоречий составил процесс осознания образованной частью общества своей способности содействовать власти и оказывать влияние на ее деятельность «снизу» путем проявления гражданской инициативы. На протяжении XIX в. под воздействием процессов социокультурной модернизации российская общественность, как наиболее передовая часть образованного общества, из

объекта всесторонней государственной опеки превращалась в субъект активного социального действия и нередко заявляла о своей оппозиционности существующему политическому режиму.

Вместе с тем XIX столетие ознаменовалось формированием в русской общественной среде, особенно среди представителей либеральной общественности, устойчивого мифа об «идеальной» самодержавной власти, которая наделялась всеми передовыми качествами – европеизмом, прогрессизмом, способностью к непрерывному реформаторству и обновлению. Самосознание и самоидентификация российской общественности формировались исключительно в контексте осмысления реформаторского потенциала самодержавной власти, ее способности возглавить преобразовательный процесс в стране и консолидировать интересы различных социальных групп. Наиболее емко миф о роли власти в историческом развитии страны и преобразовательном процессе XVIII – первой четверти XIX вв. был выражен в 1836 г. в знаменитой формуле А. С. Пушкина: «правительство все еще единственный европеец в России».

Высокие оценки реформаторского потенциала самодержавной власти стали значимой составляющей общественного сознания, одним из социальных «маркеров», по которому проходило разделение различных идейных направлений в русской общественной мысли. Тенденция сопоставлять роль и значение государства и образованного общества в развитии России сохранялась на протяжении всего «долгого» XIX в., но особое значение приобретала в переломные периоды, одним из кото-

рых стало время подготовки и проведения Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. Острое неприятие российской действительности в период правления Николая I породило в общественном сознании миф об «идеальной» власти и стремление соединить реальность с мифологизированным образом в первые десятилетия царствования Александра II, когда представители российской общественности особенно активно включились в теоретическую разработку и практическую реализацию реформаторских проектов, выступили одним из «ресурсов» модернизационного процесса середины – второй половины XIX в.

Выявление составляющих мифа об «идеальной» власти и представлений о ее реформаторском потенциале, бытовавших в среде российской общественности, позволит обратиться к истокам противостояния власти и либеральной части общества в Российской империи, в основе которого лежало общее для интеллектуальной элиты стремление оспорить исторически сложившуюся монополию государства на выражение интересов населения страны.

К.Г. Малыхин (ЮФУ)

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ 20-30-Х ГОДОВ XX ВЕКА В ОЦЕНКАХ Н.В. УСТРЯЛОВА

«Гений и Злодейство». Проблема неразрешимая для исследователей и простых людей. Может ли диктатура, деспотия приносить реальные позитивные изменения. Оправдана ли та цена преобразований, которое платит общество за свой прогресс. И стоит ли прогресс

тех жертв, которые народ то или иной страны вынужден приносить в жертву этому «страшному богу». В русском зарубежье одним из первых над этой проблемой задумался Н.В. Устрялов, – лидер так называемого «сменовеховства». Он подходил к исследованию русской действительности с точки зрения государственника, пытаясь разобраться, что являлось для России благом. И в большевизме он увидел ту силу, которая смогла собрать Россию и подавить анархию русского бунта, значительно более страшную и дикую, даже по сравнению с беззаконием и преступлениями большевистских спецслужб.

В начале 20-х гг. XX в. Н.В. Устрялов надеялся, что развитие страны пойдет по сценарию «спуска на тормозах», аналогично развитию Великой французской революции конца XVIII века. Позднее, в 1930 г., он вынужден был признать, что его социологическая схема не была реализована в полной мере, и Россия отказалась от концепции «спуска на тормозах». В 1929 г., утверждал Н.В. Устрялов, сталинское руководство развернуло целую программу ускоренного коммунистического строительства.

Самое главное для руководства страны заключалось в обеспечении бесперебойных поставок продовольствия из деревни в город. Они решили вместо чрезвычайных и малоэффективных методов политического давления, найти возможность значительной товарной отдачи русского сельского хозяйства, путем насильственного объединения крестьян в крупные хозяйства для успешности дела их эксплуатации и регулярности изъятия продовольствия. В итоге большевики сумели успешно развернуть целую компанию коллективизации

и террором загнать крестьян в колхозы, тем самым, по их мнению, русская деревня начала развиваться по коммунистическому пути. Одновременно сталинское руководство страны использовало возникшие огромные продовольственные ресурсы для стремительного индустриального рывка. Во имя будущего население призвали отказаться от настоящего. Жертвенность во имя страны, бесплатный и нещадный труд оценивался коммунистической партией как высший критерий политической благонадёжности позволял делать политическую карьеру в рамках новой социальной реальности.

В начале 30-х гг. XX в., являясь современником развернувшихся в России неоднозначных событий, Н.В. Устрялов сделал очень интересные социологические оценки. По его мнению, русская цивилизация отличалась деспотическим типом развития страны. В этом плане большевизм в истории российской цивилизации не стал исключением. Н.В. Устрялов заявил, что большевикам удался просто фантастический вестернский проект. Большевики сумели сделать то, что стране не удавалось целых триста лет. Большевики стремительно догнали Европу. Старые оковы «азиатчины» были сброшены, и темпы, с которыми страна преодолевала свою историческую отсталость были просто неизбежны. Н.В. Устрялов прямо назвал сталинскую революцию страны новой эрой в истории нашей страны. Подобную трансформацию Россия переживала только во времена великих Петровских преобразований, Более того, Н.В. Устрялов был уверен, сталинская вестернизация оказалась са-

мым важным событием в истории России за последние триста лет, так все остатки тысячелетнего русского застоя были искоренены очень основательно. Он отдавал себе отчет, что сталинская вестернизация страны оказалась страшным испытанием для народов СССР. Жертвы, которые понес русский народ оказались тяжелейшими. Однако, напоминал Н.В. Устрялов, и те жертвы, которые принес русский народ во времена Петра Великого тоже были очень тяжелыми. В то же время, по его мнению, – Великая цель оправдывала Великие жертвы.

К 1934 г., рассматривая свершения сталинской деспотии, в новом сборнике своих работ, вышедшем в Шанхае по названию «Наше время», Н.В. Устрялов окончательно признал факт победы коммунистов в стране. Он обосновывал, что в этом процессе трансформации России самым сложным аспектом явилась война коммунистов и крестьянства в форме той самой насильственной коллективизации. Таким образом, сама концепция «спуска на тормозах» потерпела полный крах. Коммунистам, по мнению Н.В. Устрялова, удалось справиться со всеми проблемами и авантюристический план преобразования России оказался реализованным.

В основу критерия успеха русской вестернизации Н.В. Устрялов взял такой критерий, как важнейшие принципы державности – силу новой советской армии, построенные коммунистами заводы, индустриализацию советского сельского хозяйства. Главным фактором была мощь возрожденной И.В. Сталиным на безрыночных принципах новой российской «Империи».

Надо прямо заявить, что именно Н.В. Устрялов поставил перед исследователями вопрос о возможности проведения позитивных социально-экономических преобразований деспотическими режимами, которые явно действуют против своих народов. Н.В. Устрялов прямо утверждал, что это возможно. Опыт второй половины XX в. и первых десятилетий нового тысячелетия ясно показал, что достаточно тоталитарные режимы в Южной Корее, в Сингапуре, на Тайване и в Китае смогли совершить настоящее чудо. Эти страны в кратчайший срок вырвались в постиндустриальное светлое будущее, обеспечив своим гражданам высочайший уровень жизни. Южная Корея и Тайвань с Сингапуром успешно строят демократическое общество, после страшных периодов откровенной диктатуры, сумевшей заставить целые поколения людей работать на будущее своих стран. Н.В. Устрялова доказывал, что Россия была фатально обречена на деспотическую, верхушечную имперскую модель европеизации страны.

РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОГО МИФА

Г.С. Денисова (ЮФУ)

АМБИВАЛЕНТНАЯ РОЛЬ МИФА «РОССИЯ – ТЮРЬМА НАРОДОВ» В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В XX-XXI вв.

В современной теоретической социологии под понятием «модернизация» понимается переход общества от доиндустриальных форм организации социальной

жизни к индустриальным. Важными показателями такого перехода являются: изменение типов поселения (города как торгово-индустриальные и транспортные центры вместо полуаграрных городов, сел и деревень), крупное промышленное производство как основа экономики, бинарная семья, отделение церкви от государства, эмансипация личности от традиций и традиционного права, формирование гражданской правовой системы и др. Важным фактором такого перехода для общества выступает его культурная однородность, единое ментальное основание.

Ускоренная российская модернизация в XX в., стартовавшая после Октябрьской революции 1917 г., обнажила дефицит необходимых для подобных радикальных преобразований социально-экономических ресурсов и этнокультурную мозаичность российского общества, способствовавшую распаду империи по этнотерриториальным границам. Эти условия определили обращение революционной партии большевиков (РСДРПб) к активизации национальных движений с целью разрушения империи изнутри. Для этого было использовано высказывание французского писателя, путешествовавшего по России в XIX в. А. де Кюстина «Россия – тюрьма народов». Найденная им лаконичная и емкая формула отвечала главному свойству мифологемы: она позволяла вмещать в себя самое разнообразное содержание – от вполне конкретных и верифицируемых фактов до публицистических домыслов и вымыслов, замещающих отсутствующую или противоречащую данному утверждению информацию. Сентенция де Кюстина приобрела характер социального мифа, который задает человеку

определенную конструкцию, позволяющую объяснить социальную реальность. Такие социальные мифы используются для мобилизации общества (социальной группы) к масштабным свершениям. Так произошло в Октябрьскую революцию, к совершению которой были привлечены этнические активисты, и это же повторилось в постоктябрьский период. Победившая коммунистическая партия взяла на себя функцию преодоления социального и этнокультурного неравенства народов, что выступило основанием удержания их в границах единого государства.

Успехи национально-государственного строительства советских республик и российских автономий показывают созидательную функцию мифа о «тюрьме народов», реализуемую при условии интеграции энергии различных народов для достижения масштабных социальных целей. Модернизация российского общества произошла с опорой на этот миф, содержащий в себе разрушительную и созидательную энергию. Об этом переходе свидетельствуют статистические данные по этническим группам, которые выступали обязательным параметром всех переписей населения в СССР, включая перепись 1989 г.

Миф о «тюрьме народов» вновь всплыл в 90-е годы XX в., в период распада СССР. Но в этом случае он использовался как рычаг разрушения советского государства и был лишен энергии совместного созидания новой государственности. Такое усечение многокомпонентного состава мифа обусловило канализацию социальной энергии масс, поднятой этим мифом, на уничтожение огромного отрезка советского периода жизни из

истории народов. А сама история бывших советских народов, сформировавших суверенную государственность в постсоветский период, лишенная энергии мифологической романтики советского строительства и советской победы во Второй мировой войне, обусловила распространение чувства рессентимента и русофобии.

А.В. Аверьянов (ЮФУ)

ДРУЖБА НАРОДОВ В СССР: ЭВОЛЮЦИЯ МИФА

Дружба народов – один из центральных мифов советской эпохи, который был призван демонстрировать достижения социалистического строительства Советского Союза на примере успешного решения национального вопроса. Он был запечатлен в различных образах и символах страны Советов, оставаясь в массовом сознании ее олицетворением наряду с Победой в Великой Отечественной войне, первым полетом человека в космос, советской наукой и образованием.

В 1954 г. в Москве на Центральной аллее ВДНХ – главном выставочном комплексе Советского Союза, был открыт фонтан «Дружба народов», который был призван символизировать единство всех народов страны. С 1939 г. по инициативе М. Горького в Москве стал издаваться литературно-художественный журнал «Дружба народов», в котором публиковались произведения писателей и поэтов различных национальностей. В Большой советской энциклопедии отмечалось, что дружба народов – это братское сотрудничество и взаимопомощь народов и наций, ставших на социалистический путь развития. Тем самым уже в советский период данный те-

зис стал одним из главных символов советского общества, который активно использовался в идеологических и пропагандистских целях. В то же время в разные периоды в концепцию дружбы народов вкладывался различный смысл, она меняла свое идейное и содержательное наполнение в зависимости от приоритетов национальной политики, которая в свою очередь отражала политическую конъюнктуру в Советском Союзе.

После прихода большевиков к власти, а также в 1920-1930-е гг. приоритетным оставался концепт о необходимости решения национального вопроса в том виде, в котором он достался от царизма. Главными задачами провозглашалась ликвидация фактического неравенства народов и социально-экономической и культурной отсталости народов. Концептуальной основой решения национального вопроса являлся тезис о ликвидации эксплуататорских классов внутри каждого народа, что устранит первопричину межнациональной вражды и обеспечит мирное развитие наций. Первые заявления о решении национального вопроса в СССР связывались с успехами строительства социализма, что было зафиксировано в Конституции СССР 1936 г. Победа в Великой Отечественной войне завершила складывание концепции дружбы народов, которая была оформлена в рамках принятого на XXII съезде КПСС решения об окончательной победе социализма в СССР и переходе к строительству коммунизма. Основой межнациональных отношений стал интернационализм как проявление подлинного и окончательного решения национального вопроса. Данный тезис лег в основу концепции развитого социализма и конструкта советского народа как новой

исторической общности людей, возникшей в СССР на основе победы социализма. Однако общественно-политические процессы второй половины 1980-х гг. повлекли за собой пересмотр, казалось бы, незыблемых идеологических истин предшествующего этапа развития советского общества. Тезис об окончательном решении национального вопроса в Советском Союзе был отвергнут как противоречащий ленинской диалектике анализа национальных отношений: «Известно, что еще совсем недавно у нас господствовала точка зрения, согласно которой национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен окончательно и бесповоротно. В этом нашли свое проявление не только необоснованные преувеличения и даже абсолютизация наших достижений в этой области, но и отход от ленинской методологии. В. И. Ленин всегда подходил к национальному вопросу не абстрактно, а конкретно-исторически. Пока существуют нации и взаимоотношения между ними, национальный вопрос не может быть решен полностью и окончательно».

Попытки пересмотра основ национальной политики и нового идейного наполнения концепта дружбы народов не успели завершиться по причине радикальных политических трансформаций начала 1990-х гг. После распада СССР концепция дружбы народов была подвергнута жесткой критике и отвергнута как несостоятельная. Впоследствии предпринимались попытки её переоценки в позитивном ключе. В то же время в общественном дискурсе и научной среде данный вопрос до сих пор имеет неоднозначное толкование и требует объективного и беспристрастного осмысления.

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
И НЕКОТОРЫЕ МИФОЛОГЕМЫ
БОЛЬШЕВИСТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
1920-х ГОДОВ.**

Русское политическое зарубежье в лице своих идеологов после трагических событий 1917 г., пыталось найти формулу социального прогресса для будущей России, опосредованную той или иной интерпретацией ее исторического опыта. И в этом весьма преуспели русские либералы. Этому способствовал анализ большевистской практики, в частности, решение вопросов национального строительства. Образование СССР и все процессуально-договорные процедуры советского правительства, связанные с этим актом, российская эмиграция однозначно восприняла как пропагандистский фарс и, одновременно, как попытку в прагматическом плане проведения «ассирийской политики» усиления централизации государственного управления, особенно в нерусских регионах и областях. Отказав большевикам в продуктивности созданного ими национального объединения и назвав «нынешний СССР» федерацией «по недоразумению», - лидер левых кадетов П.Н. Милюков предположил, что формы децентрализации в будущем могут быть самыми различными, вплоть до конфедерации. Он предрек, что иначе народности придется «не просто удерживать, а... вновь завоевывать».

Более жесткие оценки мифологемам большевиков давали в эмиграции правые кадеты (М.М. Федоров,

Ю.Ф. Семенов и др.). Ю.Ф. Семенов на Зарубежном съезде Русского Национального объединения в 1921 г. в докладе «Окраинный вопрос» дифференцировал национальные территории в виде двух групп: северо-западной (Прибалтика) и южной (Кавказ). Краткий опыт собственной государственности прибалтийских стран позволил им отстоять себя от национального обезличивания, грозившего с «коммунистического востока». Положение же трех закавказских республик, особенно Грузии, правый либерал оценил, как «наносное, поверхностное и чуждое народу». В будущем вся энергия народных масс будет направлена на создание новых государственных форм, в том числе, и на национальных территориях.

М.О. Пискунов (Тюменский государственный университет)

МЕТАФОРА ТРАНЗИТА В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ 1990-Х ГОДОВ: ПЕРЕХОД КАК ВОЗВРАЩЕНИЕ К НОРМЕ

Интеллектуальную историю идеологических дискурсов в условиях коллапса 1990-х годов еще предстоит написать. Метафора конца истории и отсылка к одноименной книге Френсиса Фукуямы встречается в современной публицистике столь часто, что сама стала идеологическим штампом, а не чем-то способствующим прояснению ситуации. В нашей стране коллапс коммунизма сопровождался, с одной стороны, большой идеологиче-

ской дисперсией, когда одновременно стало возможным говорить о десятках самых разных идеологических проектах. С другой, это сопровождалось идейным доминированием неолиберализма как знамени младореформаторов, новой постсоветской журналистики и научным дискурсом академического истеблишмента на Западе. Возникла полу-практическая полу-академическая дисциплина транзитология, для которой центральным понятием стало понятие перехода. Переход мог пониматься по-разному: в экономическом смысле — от социализма к капитализму — или в политическом — от тоталитаризма/авторитаризма к демократии — но главной была справедливая идея, что независимо от исходной и конечной точек переход сам по себе представляет отдельный этап социального развития с присущими ему собственными тенденциями.

Эти более или менее абстрактные академические упражнения приземлялись на отечественную почву через консервативные культурные ходы. Прежде всего, через идею о том, что рыночные реформы или переход ликвидируют советскую историческую аномалию, произошедшую в 1917 году и протянувшую через весь XX век. Соответственно, постсоветский переход — это сшивание разорванной в прошлом истории, а не новый исторический период. Такая парадигмальная установка вела к последующему рассмотрению более конкретных вопросов социальной теории и практики — вопрос о среднем классе и социальных классах в целом в постсоветской России, о советском человеке, о гражданском обществе — так же в консервативном свете.

Эти вопросы структуры и субъектов постсоветского идеологического и научного знания я хочу более подробно рассмотреть в своем докладе. Так как о социальном знании невозможно говорить вообще или на основе каких-то отдельных текстов, то я буду анализировать выходящий в 1994-2006 года под редакцией Т.И. Заславской альманах «Куда идет Россия?» и несколько сопутствующих ему дискуссий в журнале «Социологические исследования».

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА – ИДОЛ И ПУГАЛО МОДЕРНИЗАЦИИ

В.Л. Степанов (Институт экономики РАН)

ВСЕВЛАСТИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО «ЦАРСТВА» В ВОСПРИЯТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ФОБИИ И ВОЛНЫ ПРОТЕСТА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1860-х – НАЧАЛО 1890-х гг.)

В первые пореформенные десятилетия в России акционерными обществами при финансовой поддержке государства была построена сеть железных дорог. Правительство гарантировало частным компаниям пятипроцентный чистый доход, предоставляло денежные и материальные ссуды, передавало им в аренду на льготных условиях казенные линии, не вмешиваясь при этом в их хозяйственную деятельность. Выгодные условия концессий вызвали грандиозный бум, сопровождавшийся спекулятивным грюндерством, коррупцией и расхищением казенных кредитов. Пользуясь поддерж-

кой и влиянием в высших сферах, железнодорожные «короли» превратились в самую могущественную группу среди российских предпринимателей и поражали всех своими богатствами. Между тем к середине 1870-х гг. рельсовая сеть оказалась расчленена между десятками акционерных обществ и не представляла собой единого целого.

Получая гарантированный доход, компании не заботились о качестве и рентабельности линий, которые имели слабую пропускную способность и низкий уровень безопасности дорожного движения. Правления акционерных обществ по своему усмотрению устанавливали провозные платы, классификацию и номенклатуру грузов. Дезорганизация железнодорожного транспорта наносила огромный ущерб народному хозяйству, вызывала постоянные жалобы помещиков и предпринимателей. В то же время подавляющее большинство компаний остро нуждались в правительственной помощи и зачастую не могли выполнять свои финансовые обязательства перед казной. Непомерные расходы на железнодорожный транспорт были одной из основных причин бюджетных дефицитов и роста государственного долга страны.

Состояние рельсовой сети порождало сильную тревогу в обществе. В экономической литературе и публицистике бурно обсуждались пороки новой транспортной инфраструктуры. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. продемонстрировала неспособность акционерных обществ обеспечить переброску людей и грузов на театр военных действий. Это способствовало распространению мнения о том, что в случае масштабного европей-

ского конфликта Россия не сможет своевременно мобилизовать свои силы. Резкой критике железнодорожные подрядчики подвергались из-за низкого качества рельсовых путей, сшитых «на живую нитку», что стало причиной эпидемии катастроф на дорогах, которые в народе называли «костоломками».

Однако наибольшие опасения вызвало растущее могущество железнодорожных компаний, которые, как неоднократно утверждалось в печати, имели тенденцию к слиянию в более крупные объединения. Они формировали мощное лобби в высших бюрократических кругах, подчиняли себе правительство и становились «государством в государстве».

Многие ученые-экономисты утверждали в своих трудах, что всевластие железнодорожного «царства» основывалось на транспортной монополии рельсовых магистралей в отдельных местностях и регионах, где компании захватывали в свои руки остальные пути сообщения (шоссейные и гужевые дороги, каналы, паромства и т.п.), устанавливая завышенные тарифы и разоряя потребителей.

Тем самым железные дороги переставали быть «общепольными» предприятиями и превращались в орудие наживы. В итоге, рост общественного недовольства и волны протестов против произвола акционерных обществ, неоднократно поднимавшиеся с середины 1870-х гг., оказали среди других факторов косвенное воздействие на политику правительства, которое с начала царствования Александра III приступило к огосударствлению частных линий.

*Д.Г. Янченко (Санкт-Петербургский
государственный университет)*

ПУТЬ НА ВОСТОК: РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В МАНЬЧЖУРИИ

Проникновение в Маньчжурию рассматривалось русскими военными и политическими элитами как естественное продолжение имперских завоеваний. Между тем, на рубеже XIX-XX вв. принципиально меняются инструменты геополитического влияния. На смену военно-административному контролю территории приходят экономическое доминирование. Строительство КВЖД и затем Амурской магистрали, активная колонизация Дальнего Востока накануне Первой мировой войны наглядно продемонстрировали возможности власти по сохранению традиционного экспансионистского курса на окраинах империи в условиях социально-политической модернизации и степень ее приспособляемости к запросам нового столетия. Следует подчеркнуть, что наряду с сугубо экономическими целями в этом движении на восток обнаруживается и социокультурная составляющая – то, что в сегодняшних условиях принято называть «мягкой силой». Строители КВЖД положили начало культуртреггерскому мифу о железной дороге, который пережил империю, и, как это не парадоксально, воспроизводится сегодня в трудах китайских ученых, положительно оценивающих культурное влияние КВЖД и русской общины Харбина. Так, авторы коллективного исследования «История русской эмиграции в Харбине»

отмечают, что строительство КВЖД стимулировало социально-экономическое развитие Харбина, а культурная деятельность русской эмиграции «способствовала развитию харбинской и мировой культуры». Ли Шусяо отметил, что имена русских художников и архитекторов должны быть вписаны в историю города, а Чан Хуайшэн назвал Харбин «сплавом культуры человечества».

Н.В. Галуза (ЮФУ)

ОБРАЗ ВЛАДИКАВКАЗСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ КАК «ЛОКОМОТИВА ПРОГРЕССА» НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

С точки зрения культурно-антропологического подхода, железнодорожное строительство в Российской империи может рассматриваться как один из способов радикального переустройства самых разных сторон человеческой жизни – от ее материальных условий до сферы сознания и культуры. Катализирующее влияние железнодорожного транспорта на развитие государства в целом и отдельных территорий, по которым пролегали новые рельсовые пути, стало очевидно уже для современников эпохи железнодорожного бума в Российской империи. Это отразилось в расхожей метафоре «локомотив прогресса», визуализацией которой, собственно и являлся паровоз. Подобное явление мы можем наблюдать и на юге страны, где строительство и ввод в эксплуатацию в 1875 г. Владикавказской железной дороги (ВлЖД) кардинально поменяли жизнь всего региона и его населения, повлияв не только на экономику, но и на

развитие культуры, просвещения, формируя новые ментальные установки, которые стали присущи людям в связи с внедрением данного вида транспорта в жизнь общества. Следует особо отметить, что адаптация населения Дона и Северного Кавказа к новой ситуации, осознание выгод и преимуществ железнодорожного транспорта происходило в условиях, когда в целом по стране изначальная настороженность общества к этому явлению стала постепенно сглаживаться.

Как известно, с самого момента своего появления железные дороги были буквально окутаны различного рода мифами, а нередко и фобиями. Это касается и Великобритании (чего стоят раздувавшиеся прессой страсти вокруг так называемого «железнодорожного помещательства» пассажиров), и Российской империи, где новый вид транспорта поначалу вызывал скептическое отношение. Первая железная дорога, построенная по указу императора Николая I и соединившая Санкт-Петербург с Царским селом, энтузиазма у населения не вызвала. Несмотря на активную рекламную кампанию и устройство праздников, лично попробовать новинку рискнули немногие: народ испытывал страх перед неизвестными «фантастическими машинами». Ситуация начинает меняться уже к третьей четверти – концу XIX столетия, когда в Российской империи произошел настоящий железнодорожный бум. В правящих кругах железные дороги начинают восприниматься как «локомотив прогресса».

Одним из наиболее крупных проектов стала Владикавказская железная дорога. С легкой руки наместника

Кавказа Михаила Николаевича, брата императора Александра II, стопорившийся ранее проект постройки железнодорожного пути между Кавказом и Российской империей в 1875 г. был успешно завершен. Модернизационные процессы прокладывают маршрут мифам об исключительно позитивной роли Владикавказской железной дороги в транслировании социокультурных преобразований из центра в регион. При этом сама администрация ВлЖД активно продвигала идею цивилизующей миссии железной дороги, ища и находя в этом поддержку среди газетчиков. В статьях и репортажах местных изданий, повествующих о ВлЖД, преобладают восторженные интонации: железная дорога предстает главным механизмом «духовного покорения» и «локомотивом прогресса» на юге страны. Авторы заметок о мероприятиях, организуемых правлением общества Владикавказской железной дороги, для культурного развития служащих дороги, населения транслируют данные мифологемы читателям на страницах газет и журналов. Как правило, речь идет об изданиях, доступных широкому кругу читателей. В неофициальной части «Вестника Владикавказской железной дороги» можно отыскать множество подтверждений циркуляции данного мифа. В целом ряде заметок прослеживается тенденция к гиперболизации активной деятельности Владикавказской железной дороги: восторженный стиль текстов о детских новогодних праздниках и привлечение такого малодостоверного источника как детские впечатления, тезисы об абсолютной поддержке правления Общества Владикавказской железной дороги всех начинаний в сфере туризма на Северном Кавказе безусловно имеют

сильный эмоциональный окрас с точки зрения восприятия читателями, хотя и вызывают определенные сомнения в достоверности сведений, в них приведенных. Данные факты могут являться иллюстрациями мифа о преобладающем и бесспорном позитивном влиянии Владикавказской железной дороги на развитие Дона и Северного Кавказа.

МОДЕРНИЗАЦИЯ VS. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ

М.Н. Крот (ЮФУ)

«РУСИФИКАЦИЯ ИЛИ БЛЕДНАЯ ЕВРОПЕИЗАЦИЯ?»: КРИТИКА К.Н. ЛЕОНТЬЕВЫМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В середине XIX в. в России начинается новый этап модернизации, направленный на осовременивание государственных и общественных структур, приведение их в соответствие с западноевропейскими стандартами развития того времени. Традиционная управленческая система сложносоставной многонациональной Российской империи, содержащая в себе значительные архаичные пласты и чрезвычайную пестроту административных практик, перестала отвечать требованиям современности, что делало чрезвычайно актуальным вопрос ее реформирования. Актуализировали данную проблему и вызовы национализма, с которыми в этот период столкнулись многие европейские монархии, поставленные перед необходимостью решать национальный вопрос на высшем государственном уровне. Необходимость совершен-

ствования системы имперского управления вызвала к жизни мощное интеллектуальное движение, охватившее широкие круги образованной общественности, которая активно включилась в процесс осмысления и обсуждения окраинной проблематики, оказывая определенное влияние на характер национальной политики имперских властей.

Однако общественность далеко не всегда выступала источником модернизационных идей, подталкивая консервативный государственный механизм к реформам. Происходившие в стране преобразования порождали консервативную реакцию, усиление в общественном сознании консервативного императива, благодаря которому инновации осмысливались и усваивались через своеобразные «фильтры» мифологизированных представлений об идеальном устройстве государства и общества. Архаика облекалась в интеллектуальные формы, выражаемые посредством нарратива, содержащего в себе особое видение процесса модернизации, выступавшего в качестве некой разрушительной силы, влекущей общество к неминуемой гибели.

Политики русификации национальных окраин, являвшаяся составной частью модернизации Российской империи, стала предметом горячих общественных дискуссий и объектом жесткой критики как «слева», со стороны либеральной общественности, так и «справа», со стороны консервативных сил. Одним из наиболее ярких примеров «критики справа» в отношении политики русификации является позиция видного представителя русской охранительной мысли второй половины XIX в. К.Н. Леонтьева. Созданный им миф о всемирной угрозе

национализма, проникшего и в сознание русского общества, а также в политику российских властей, у которых «племенные чувства начинают брать верх над государственными инстинктами», имел ярко выраженный эсхатологический характер и нашел свое воплощение в сочинении с характерным названием – «Национальная политика как угроза всемирной революции». Одновременно данный нарратив представлял собой ностальгию по некоей разрушаемой мифической самобытной форме уходящей реальности, интеллектуальная актуализация которого происходит в условиях наступления обезличенных и «обесцвеченных» модернизационных процессов. Воззрения Леонтьева представляют собой яркий пример проекции консервативно-охранительного мифа, в основе которого лежит высокая идея «православно-культурного руссизма», на проблему развития национальных окраин Российской империи в условиях наступавшей эпохи модерна.

R. Bäcker (Nicolaus Copernicus University, Toruń)

J. Rak (Adam Mickiewicz University, Poznań)

INTER-WAR EURASIANISM ABOUT BOLSHEVIKS MODERNIZATION

Eurasianism is a political program of a group of Russian emigrants (mainly scholars) treating Russia as a separate continent that is an ethnic, cultural, geographical and historical whole. Thus, the most important political goal is to create a Russian empire that will unite the entire Eurasian continent understood in this way. Only those rulers who

sought to create such a harmonious political, cultural, economic and geographical unity were assessed positively. This concerned, for example, the reign of the Mongolian, Tsar Ivan the Terrible, and the Bolsheviks. The «Romano-German yoke» is a key term that defines the entire West without exception. This meant negating not only ties with the West («We must go east» - Iskhod k Vostoku), but also a refutation of all institutional solutions. «Bourgeois» democracy, multiplicity of parties, and the so-called civil liberties were negated. Eurasians treated Marxism as a product of the Romano-Germanic world and thus treated it negatively. Russian communists professing Marxism must, however, after seizing power, start building the Eurasian empire, and thus increasingly become Bolsheviks. The essence of the actions of the Bolsheviks is to lay the foundations for the Eurasian rule, and thus their rule must be assessed positively.

To what extent were the new ideas of Eurasians in common with the Bolsheviks?

a) art – futurism: in the early 1920s, futurism was accepted by Peter Savitsky and criticized as anti-religious by Nikolay Trubetskoy.

b) a linguistic breakthrough, e.g., blurring the boundary between science and ideology, just as the new language of politics was common. This was due to the fact that both ideological trends belonged to totalitarian political gnosis, and not to diffusion.

c) while Eurasianism in the interwar period was an intellectually sophisticated way of thinking, Leninist Bolshevism, and to an even greater extent its Stalinist version, was rather simplistic.

d) the Orthodox Eurasians treated the moral revolution in the early 1920s as a product of the West.

The material results of Stalinist construction are assessed positively, as industrialization strengthens Russia-Eurasia. Moral and ideological values are also important - enormous enthusiasm, treating them as a joint work, opening the way to cooperation, and thus transforming slaves into partners and creators of the general-union construction industry. Only in this way, according to the Eurasians, it is possible to give meaning and purpose to everyday mechanical work. For communists, industrialization is an objective in itself, ending history and creating a material paradise without religion. Meanwhile, Eurasians strive to create a labor state based on the religious principle, and thus serving higher spiritual values. For communism, full socialization is an unquestionable dogma. In turn, for Eurasians, the economic system must be subordinated to the principle of involving all workers in creative construction combined with the economic self-determination of people. Eurasians, therefore, support a planned economy, but with a moderate share of private initiative. The goal is a dialectical synthesis of the socialist and capitalist economy.

Eurasianism was and is an anti-Occidental, counter-acculturative, and nativist movement. It was not a reactionary movement, however, and it did not seek to restore tsarist Russia. The concept of Russia-Eurasia as a harmonious whole was original and unique. The rule of the Bolsheviks was regarded by the Eurasians as an important stage in the construction of the Eurasian empire. Industrial modernization was assessed positively as it increased the material and awareness potential of Eurasia. The thinking

structure of the Bolsheviks and Eurasians was similar. Both structures belong to totalitarian political gnosis. However, in the case of Eurasians, we are dealing with a soft version, more intellectually sophisticated, with a greater degree of differentiation in diagnosis and program detailing (see: Nikolay Alekseev). The level of illusions towards the actions of the Russian Communist Party (Bolsheviks) was high, especially in the perception of potential elements of the Eurasian doctrine.

Е.В. Шандулин (ЮФУ)

**СОВЕТИЗАЦИЯ ВУЗОВ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ
СКРЫТАЯ ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ?
ЯВНЫЕ И НЕЯВНЫЕ СМЫСЛЫ ДИСКУССИЙ
В ДОНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Развитие образовательной системы начала XX в. было связано с непрерывным процессом модернизации моделей, форм и методов обучения, однако их направленность и реализация оказывались в совершенно различных условиях. Одним из реализованных мифов об образовании этого периода стала так называемая советизация высшей школы. В стенах Донского университета тезис о его триумфальной советизации, прозвучал в 1927 г. с трибуны ректората. Знакомство с протоколами заседаний совета университета и материалами, отразившими ход дискуссии по вопросам реформирования системы управления университета, дают несколько иную картину. Многие начинания, которые подавались как завоевание советской реформы образования, в действи-

тельности были запущены в более ранний период истории и не были достоянием исключительно советской модели управления.

Академический мир задолго до 1917 г. осознал необходимость существенного реформирования высшей школы и внимательно приглядывался к передовому опыту того времени, представленному двумя основными моделями университетского образования – германской и британской. Новые учебные планы, методы подготовки, борьба за дисциплину и открытие аудиторий для широких слоев населения были скорее общим трендом реформ в образовании, чем политически сформированной повесткой. К советизации в 1920-е годы были отнесены процессы изменения состава студентов и преподавателей, которые при ближайшем рассмотрении до начала 30-х годов были скорее административными, чем политическими программами. Получила широкую огласку университетская дискуссия середины 20-х гг. о полной замене планов обучения, которая должна была открыть новую веху в истории университета и сформировать «советский облик» образовательного процесса. Начинания Государственного ученого совета при Народном комиссариате просвещения во главе с М.Н. Покровским привнесли в университетскую жизнь программу практико-ориентированного образования, которая, опять-таки не была советским изобретением: задолго до этого она много лет успешно применялась в учебных заведениях Великобритании.

Университетская среда не вела активного сопротивления процессу советизации, так как видела в нем не

столько политический риски, сколько итог непрофессионального подхода к некоторым процессам. Миф о советизации университетов был связан в большей степени с государственной риторикой, на поверхности покрывавшей происходившие изменения в образовательном процессе и до начала 30-х годов скорее бывшей информационной завесой для развития заложенных ранее тенденций.

А.В. Бражкина (Центр Ольги Розановой, Владимир)

МИФ О ЗАПАДЕ В РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ 90-х: ИСПЫТАНИЯ В ХОДЕ ПРАКТИК МОДЕРНИЗАЦИИ

Музей современного искусства на Западе в его образцовом проявлении – это, в первую очередь, известнейшее собрание именно так и называемое – Museum of Modern Art (МоМа) в Нью-Йорке, «Бобур» в Париже, галерея Тейт (Tate Britain) в Лондоне и т.д. Становление и функционирование данной модели связано с участием людей искусства в процессах демократизации общества, со стремлением музейщиков привить широкой публике интерес к современности, т.е. к их собственному существованию, и вдохновить людей на свободное творческое преобразование их проблемной жизни.

В России сеть подобных музеев нового искусства (так называемых «Музеев живописной культуры», МЖК) была создана раньше, чем в других странах мира, в первые послереволюционные годы (1918-1921) и, по сути, послужила образцом для всех дальнейших мировых исканий в этом направлении.

Однако, сталинская политика культурного строительства привела к отказу художественного сообщества от советских радикальных демократических практик «жизнестроительства», переориентировав людей искусства на следование классическим образцам и советское мифотворчество.

После смерти Сталина советские ищущие художники вынуждены были обращаться к западным образцам в попытках восстановить свою связь с современностью (в широком смысле). Многие влиятельные персоны из трех культурных поколений советских и российских художников оказались, временно или навсегда, на Западе – в надежде приобщиться к непосредственному источнику «художественной модернизации».

В центре доклада – фигура Андрея Ерофеева, искусствоведа и сына известного советского дипломата, неостановимо, вопреки множественным скандалам, предпринимающего, с начала 1980-х гг., попытки создать в России Музей современного искусства по текущим западным образцам. Источники информации – архив Музей современного искусства «Гараж», личный архив Андрея Ерофеева и серия интервью с ним автора доклада.

СОДЕРЖАНИЕ

Организационный комитет.....	4
Программный комитет.....	4
Программа конференции.....	5
Пленарные доклады.....	11
<i>Корневский А.В.</i> Мифы модернизации и модернизация мифов.....	11
<i>Граля Х.</i> В поисках «перводвигателя» российской модернизации: мифы и контр-мифы историографии	17
<i>Пономарева М.А.</i> К вопросу о советской экономической модернизации второй половины XX века: миф или реальность?.....	23
Тезисы панельных докладов.....	31
Миф истоков – истоки мифа.....	31
<i>Дмитриев М.В.</i> Византийско-православные традиции как тормоз российской модернизации? Миф «ничтожной Византии» (« <i>la misérable Byzance</i> ») и историческая компаративистика.....	31
<i>Мартынюк А.В.</i> Русь Великая, Малая, Белая, Черная, Червонная и иная: мифология древности и конструирование традиции.....	35
<i>Raffensperger С.А.</i> Creating a Medieval Rus': Mykhailo Hrushevsky's «History of Ukraine-Rus'».....	38
Савин А.И. «Мы наш, мы новый миф построим»: культ павших героев в Советской России – СССР в 1917 – 1941 гг.....	40
Модернизируемая Россия в поисках идентичности.....	41
<i>Де Лазари А.</i> «Народность» как миф для внутреннего потребления.....	41

<i>Журавлев В.В.</i> Антиевропейская идентичность в символической системе восточно-русской контрреволюции (1918–1919 гг.).....	44
<i>Мининков Н.А.</i> Борьба мифов в историографии донского казачества.....	46
<i>Братолобова М.В.</i> Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (на примере г. Ростова-на-Дону).....	48
Государство как демиург модернизации.....	51
<i>Мининкова Л.В.</i> Этатистский миф русской классической историографии.....	51
<i>Акульшин П.В.</i> Бюрократия и модернизация Российской империи.....	54
<i>Завьялова О.О.</i> Миф об «идеальной» власти в представлениях российской либеральной общественности (середина – вторая половина XIX века).....	56
<i>Мальхин К.Г.</i> Российская модернизация 20-30-х годов XX века в оценках Н.В. Устрялова.....	58
Российская модернизация в зеркале социального мифа.....	62
<i>Денисова Г.С.</i> Амбивалентная роль мифа «Россия – тюрьма народов» в модернизации России в XX-XXI вв.....	62
<i>Аверьянов А.В.</i> Дружба народов в СССР: эволюция мифа.....	65
<i>Смагина С.М.</i> Российская политическая эмиграция и некоторые мифологемы большевистской модернизации 1920-х годов.....	68
<i>Пискунов М.О.</i> Метафора транзита в идеологических дискурсах 1990-х годов: переход как возвращение к норме.....	69

Железная дорога – идол и пугало модернизации.....	71
<i>Степанов В.Л.</i> Всевластие железнодорожного «царства» в восприятии российского общества: фобии и волны протеста (вторая половина 1860-х – начало 1890-х гг.).....	71
<i>Янченко Д.Г.</i> Путь на Восток: русская колонизация и железные дороги на Дальнем Востоке и в Маньчжурии.....	74
<i>Галуза Н.В.</i> Образ Владикавказской железной дороги как «локомотива прогресса» на Северном Кавказе.....	75
Модернизация vs. вестернизация.....	78
<i>Крот М.Н.</i> «Русификация или бледная европеизация?»: критика К.Н. Леонтьевым национальной политики российского самодержавия во второй половине XIX в.....	78
<i>Bäcker R., Rak J.</i> Inter-war Eurasianism about Bolsheviks Modernization.....	80
<i>Шандулин Е.В.</i> Советизация вузов: модернизация или скрытая вестернизация? Явные и неявные смыслы дискуссий в Донском университете.....	83
<i>Бражкина А.В.</i> Миф о Западе в российской художественной среде 90-х: испытания в ходе практик модернизации.....	85

Научное издание

МИФОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Материалы Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции

Ростов-на-Дону, 19-20 октября 2021 г.

Подписано в печать 15.10.2021 г.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60×84¹/₁₆.

Усл. печ. лист. 5,23. Уч. изд. л. 3,67. Заказ № 8192. Тираж 150 экз.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.